

ДРЕЙФ НАРВСКАЯ ЗАСТАВА

DRIFT NARVSKAJA ZASTAVA

SPECIAL ISSUE №7 SEPTEMBER 2004

NEWSPAPER OF THE ENGAGED CREATIVE PLATFORM "WHAT IS TO BE DONE?"

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК №7 СЕНТЯБРЬ 2004

ГАЗЕТА НОВОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ "ЧТО ДЕЛАТЬ?"

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

Интервью | Interview: Мария Макогонова | Maria Makogonova /// Алексей Лепорк | Alexey Lepork /// Давид Рифф | Зонтик / Комментарий /// David Riff | Umbrella / Comment // Соня Чуйкина | Ситуационистская социология на Нарвской /// Sofia Tchouikina | Situationist Sociology in Narvskaya Zastava // Николай Олейников | Nikolay Oleynikov /// Составляющие проекта | Project components /// Алексей Пензин | Последнее искушение фланера /// Alexey Penzin | The Last Temptation of the Flaneur /// Оксана Тимофеева | Оксана Timofeeva /// Александр Скидан | Протокол о дрейфе // Alexander Skidan | Derive Protocol

ДРЕЙФ В ПРОСТРАНСТВЕ НЕСБЫВШЕЙСЯ УТОПИИ

Этот выставочный проект является художественным исследованием одного из наиболее знаковых и противоречивых районов Санкт-Петербурга – Нарвской заставы.

Глядя на карту Петербурга мы видим, что Нарвская выглядит как изолированная зона, опоясанная кольцом заводов, железнодорожными путями и портом.

До революции этот район был рабочей окраиной и центром революционного движения. После революции – в 20ые годы он стал главным местом развития нового социалистического Ленинграда. Здесь находится большинство памятников эпохи конструктивизма. Сегодня в этом районе, как в ни каком другом, отразился весь комплекс социальных проблем перехода от социалистического общества к капиталистическому. Нарвская, несмотря на своё центральное положение, приобрела черты гетто – заводы перестали работать, дома стремительно разрушаются, экологическая ситуация остается по-прежнему тяжелой, большинство жителей живут на грани выживания. Этот район оказался «невидимой зоной» и приобрел типичные черты провинциального индустриального города пост советского пространства, где параллельно происходят процессы сосуществования старых моделей социальной композиции общества и установление новых классовых форм социальности.

Проект посвящен анализу и критике повседневной жизни и продолжает, на новом уровне, традиции как критического реализма так и ситуационистских практик. В его основу положены современные методы документирования социальной, архитектурной, миграционной ситуации. Для этой цели рабочая группа, состоящая из художников, архитекторов, социологов, писателей и т.д., организовала работу мобильного социологического пункта в разных точках района. Информация, собранная в общении с жителями района, архивировалась в форме специально сделанных анкет, видео интервью и фото документации. На основе этого материала, художники рабочей группы создали видеофильмы, социологические диаграммы, звуковые работы и инсталляции. Произведения, вошедшие в выставку, являются художественным воплощением различных способов субъективного картографирования социального пространства.

Помимо чисто исследовательско-документационных методов работы, кульминацией проекта является сам процесс «Дрейфа», который, в течение двух дней, провели члены рабочей группы. Таким образом, кроме художественного и научного материала важной составляющей проекта стали результаты коммуникации внутри группы, личная жизнь её участников, ассоциации связанные с местами исследования и т.д. Объективная картография места выстраивается параллельно с субъективностью сообщества, которое получает новый опыт, проживая совместно какой-то момент времени в чужеродной для себя среде. Развитие методик «Дрейфа» является продолжением ленинградско-петербургской традиции прогулок по странным местам. Эта культура обращена к опыту сообществ, построенных на дружеских отношениях и претендующих на присвоение и «переворот» (detournement) городского пространства, демонстрируя на своем опыте контраст между тем, чем жизнь является, и тем какой она могла бы быть.

DRIFTING THROUGH INCOMPLETE UTOPIA

This project is an artistic inquiry into one of Petersburg's most fascinating and contradictory neighbourhoods – Narvskaya Zastava.

In looking at a map of Petersburg, one immediately sees that Narvskaya Zastava is an isolated zone, surrounded by a ring of factories, railroad tracks and shipyards. Before the revolution, it was part of the city's proletarian periphery, an historical hotbed of dissent. After the revolution, during the 1920s, the neighborhood became the main center for the development of a new, socialist Leningrad, which is why it contains most of Petersburg's constructivist monuments. Today, Narvskaya Zastava reflects the entire complex of social problems that arise with the "transition" from socialist to capitalist society. Unlike the tourist-center of Petersburg, the neighborhood has become an "invisible zone". This state can be interpreted as typical of many smaller towns on post-Soviet territory, where the old models of socialist community composition and new class-constellations coexist in considerable tension.

On the whole, the project is dedicated to the analysis of everyday life, continuing the traditions of critical realism and situationist practices on a higher level. Using contemporary methods of documentation, it attempts to capture the neighborhood's social, architectural and demographic situations. In order to do so, a workgroup of artists, architects, sociologists, writers etc. organized a mobile sociological center, which was set up at a number of different points in the neighborhood. The information collected in dialogues with the local population was archived through a specially developed questionnaire as well as in video-interviews and photo-documentation. Using this material as a base, the workgroup's artists have created video-films, sociological diagrams, audio-art, and installations, realizing a subjective mapping of social space.

Aside from such socio-documentary and artistic methods mentioned above, the project culminated in a variant of the Situationist "dérive". Within the space of two days, the workgroup's members drifted through the neighborhood, re-exploring the points of its territories. This part of the project reflects the results of the communication within the group, its personal life, its associations, reflections etc. The objective cartography of the neighborhood's space arises in parallel to the subjectivity of the community, which finds itself confronted – however briefly – with a completely alien setting. This two-day "dérive" does not only represent a further development of the famous Situationist praxis but also addresses the Leningrad-Petersburg tradition of cultured strolls through strange places, a praxis that arises from a culture of communities based on friendship, attempting to overturn and take temporary control of urban space, an experience that demonstrates the contrast between what life is and what it could be.

<http://library.nothingness.org/articles/SI/en/display/316>

Revolutionary urbanists will not limit their concern to the circulation of things, or to the circulation of human beings trapped in a world of things. They will try to break these topological chains, paving the way with their experiments for a human journey through authentic life.

Guy-Ernest Debord,
Situationist Theses on Traffic

К началу 20 века исторический центр Петербурга с его знаменитыми ансамблями, дворцами, храмами и театрами оказался опоясанным огромным промышленным кольцом, превосходящим центр по площади. Здесь доминировала промышленная застройка, красно кирпичные корпуса фабрик и заводов, между которыми располагались жилые здания. Нередко это были трущобы. Подобная застройка, характерная для рабочих окраин, сформировалась и Обводным каналом. Здесь царили бедность и антисанитария. Это вызывало протесты и недовольство, и поэтому уже в начале 20 столетия первыми русскими урбанистами были предложены меры по преобразованию Петербурга. К сожалению, они так и остались в проектах. Реальные работы по реконструкции и благоустройству рабочих окраин были предприняты уже при советской власти. Прежде всего, это касалось Нарвской части – крупнейшего индустриального района города, сформировавшегося рядом с Нарвской заставой, рядом с Путиловским заводом – промышленным гигантом Петербурга. Первые попытки реконструкции Нарвского района были предприняты в начале 1920-х годов. Они были связаны, в первую очередь, со строительством жилья. Социальная революция, не только в Петрограде-Ленинграде, началась с революции жилищной. С ней были связаны первые шаги молодой советской архитектуры, уделявшей большое внимание строительству комфортабельного жилья для рабочих. В Ленинграде реальное строительство возобновилось после революции, Гражданской войны и периода экономической разрухи лишь в 1925 году. Именно в это время в районе у Нарвской заставы начинают ликвидировать трущобы и возводить первые экспериментальные жилые массивы. То, что реконструкция городских окраин началась именно здесь, не было случайным. Молодая Советская власть проявляла заботу о рабочих района, знаменитого своим бурным революционным прошлым. В 1925-1927 годах был возведен первый образцовый жилой массив на Тракторной улице (архитекторы А. С. Никольский, А. И. Гегелло, Г. А. Симонов) с дешевыми стандартными малометражными квартирами для рабочих. В ленинградской архитектуре этого времени господствовал конструктивизм. Он утверждался как новая эстетическая система с конкретной социальной программой. Творцов конструктивизма вдохновляла вера в жизнестроительную силу искусства. Свою задачу они видели не в создании нового стиля, а в активной общественно-созидательной деятельности. Они стремились изменить облик земли, преобразовать быт и сознание людей, воспитать человека социалистической эпохи. Связав творчество с задачей организации жизненных процессов, конструктивисты много работали над созданием новых типов зданий и развивали комплексный подход к проектированию застройки, в которой жилье совмещалось с учреждениями культурного и бытового обслуживания – домами культуры, школами, общественными банями и фабриками-кухнями. Жилмассив Тракторной улицы стал ядром такого образцового жилого, общественного и культурного центра. У Нарвских ворот во второй половине 1920-начале 1930-х годов был вооружен целый комплекс зданий, воплощавших новаторскую программу тотального конструирования новой жизни. Эта жизнь должна была проходить вне дома. Именно поэтому в квартирах того времени проектировались кухонные элементы вместо кухонь, а ванны комнаты нередко вообще отсутствовали. «Наша задача заключается в том, чтобы убить домашнее хозяйство», - заявлял в те годы А. В. Луначарский.

Имелось в виду, что в идеале индивидуальную кухню заменит фабрика-кухня, ванную – «красные пролетарские термы», дети будут проводить свободное время в яслях или детском саду, а их родители – в рабочем клубе. Эта программа нашла идеальное воплощение в застройке района у Нарвских ворот. Здесь были возведены здания экспериментальной школы имени 10-летия Октября (1925-1927, архитектор А. С. Никольский), Дворца культуры им. Горького (1925-1927, архитекторы А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевский), общественных бань «Гигант» (1928-1930, архитектор А. С. Никольский), районной фабрики-кухни (1929-1931, архитекторы А. К. Барутчев, И. А. Гильер, И. А. Меерзон, Я. О. Рубанчик). По проекту мастерской А. С. Никольского был построен не дошедший до наших дней стадион «Красный Путиловец» (1928-1929). Завершением комплекса стал Кировский райсовет (1930-1935, архитектор Н.А.Троцкий). Конструктивисты пытались изменить мир и человека к лучшему. Однако утопические попытки превратить архитектуру в носителя социальной справедливости к результату не привели. Мечта о «светлом завтра» обернулась насильственным осчастливлением. В середине 1930-х годов конструктивизм был предан ostrакизму. Архитектура вернулась в русло неоклассики, безраздельно господствовавшей на протяжении двух последующих десятилетий. До сих пор в общественном и профессиональном восприятии здания и комплексы периода конструктивизма занимают в Петербурге положение маргиналов. Хотя на протяжении последнего времени значительное число памятников этой эпохи были поставлено под государственную охрану, сохранность архитектурного наследия этой эпохи вызывает большое беспокойство. Острее проблемы связаны с низким качеством строительства, использованием дешевых материалов и экспериментальных технологий, характерных для архитектуры 1920-начала 1930-х гг. Ныне для восстановления многих уникальных зданий требуются проведение серьезных научных исследований, новые методы реставрации, значительные материальные затраты. Помимо проблем, связанных с реставрацией этих сооружений, сегодня возникают и сложности с поиском новых функций для зданий той героической эпохи. Жилые массивы конструктивизма мало соответствуют современным представлениям о комфорте. А между тем, у них есть безусловное преимущество по сравнению, скажем с застройкой периода так называемого «Сталинского ампира» – демократичность. В ряде зарубежных стран – Голландии, Германии, Франции – существует большой и успешный опыт по реновации такой застройки, которая оказывается полностью востребованной как жилье для определенных социальных групп современного общества. Это, прежде всего, - молодые семьи и одинокие люди, не имеющие детей. Это люди, ведущие открытый образ жизни и не имеющие по своему материальному положению возможности платить за дорогое жилье. Для них квартира в жилом доме 1920-начала 1930-х годов, например, на Тракторной улице, вполне может оказаться привлекательной. Конечно, для успешной интеграции зданий эпохи конструктивизма в современную жизнь необходимы соответствующие государственные социальные программы, нужные, в том числе и для того, чтобы некогда образцовые районы не превращались снова в трущобы, населенные малоимущими.

Алексей Лепорк | фрагменты из видео интервью

Не могу сказать, что у меня есть какая-то личная связь с Нарвским районом, с районом за Нарвской заставой. В моем восприятии этот район, начиная с моего детства, это район далекий. И в этом такая странность этого района. Потому что если посмотреть на это дело здраво, то, в общем, район этот находится очень близко от центра. Всего ничего проехать, пересечь Обводный канал, проехать по Петергофскому проспекту, или Газа, как он раньше назывался и как я его всю свою жизнь помню. С одной стороны он близко, но с другой стороны – психологически это для меня район далекий. Вот доехали вы до площади Репина. И вообще, когда вы попали на площадь Репина, с одной стороны Адмиралтейский завод, с другой стороны площадь Репина, Фонтанка

кончается. Уже такое ощущение, что приехали куда-то в конец: застава, мост, город кончился. Вы проехали дальше, доехали до Нарвской, такое ощущение, что все другое.

На самом деле странность этого района состоит в том, что там есть как бы другая жизнь. И у меня до сих пор осталось ощущение, что она другая. На самом деле, первая парадоксальная странность состоит в том, что этот район возник свое время как район пролетарский. Самое поразительное, что он и остался таким. Тем более что у этого района могли быть, и есть, совершенно другие предпосылки. Но он каким был, таким и остался, его сейчас никто не развивает, в нем нет активной застройки, вообще девелоперы туда не пришли и вряд ли придут. У него есть такой ясно очерченный имидж, который, видимо, надолго останется.

Это одно. Второе – это, конечно, мое личное отношение к тому, что это крайне любопытный в архитектурном отношении район. И мне кажется, что этот район мог бы стать совершенно замечательным, если к нему начать по-другому относиться. А относиться к нему по-другому стоит, потому что район вокруг площади Стачек, собственно от Нарвских ворот до Кировского райсовета и дальше по проспекту Стачек, это блистательный в архитектурном отношении район. Я всегда думаю о том, что в каком-нибудь по-настоящему культурном городе этот район мог бы стать одним из главных туристских аттракционов. Потому что это замечательный парад конструктивизма, каких в городе, честно говоря, мало, но там он есть: райсовет с гениальной башней архитектора Троцкого, там есть школа, построенная Никольским, там же рядом есть Тракторная улица, есть и Дом Культуры имени Горького и фабрика-кухня, и училище Профтехобразования, замечательное, которое сейчас, к сожалению, разрушается. Но вот само это сочетание с большим простором, с очень петербургским простором, с шириной улиц – это совершенно завораживает. Вообще мне кажется, что эта часть от Кировского райсовета до Нарвских ворот – это наши Елисейские поля. Золотое сияние этих букв на арке, а рядом этот серый конструктивизм – суперэлегантное сочетание. А дальше начинается от сада Жертв 9 января, с оградой садика Зимнего Дворца парад сталинской архитектуры. И ещё есть эти храмы станций метро. Просто храмы, в буквальном смысле, которые внутри замечательные: метро Автово – один из абсолютнейших шедевров сталинской архитектуры и мне всегда кажется, что мы доживем до того момента, когда в метро Автово будут исполнять оперу Аида и это будет культовым событием года. Но пока что это скорее из области мечтаний.

...Когда мы говорим «за Нарвской Заставой», мы всегда думаем – революция, революционное прошлое. Но сегодня же мы любим Нарвскую сторону как культ прошлого. Культ руин. Мы там гуляем, и вспоминаем детство, юность, молодость. Мы вспоминаем советские удовольствия, простоту того, как нам жилось. И ясность того, как нам жилось. Когда мороженое стоило 7 копеек. На Невском проспекте сложно вспомнить об этом, а за Нарвской заставой, на Стачек, на Тракторной, на Балтийской, на всех этих улочках и на этих обшарпанных скамейках, вспоминаешь все как было. Как в школе учился, как болгарские сигареты были – какие сигареты! – сегодня же их в рот сложно взять. А там все было так естественно, так просто, так хорошо, так хочется пойти в парк, купить бутылку, выпить тут же – ну, может «777» не купишь, но искушение в магазине может возникнуть. Но с другой стороны, там по большому счету кайф пить все что угодно. Сесть в парке, выпить хорошего вина. Это, знаете, такая руина, и все как бы вспоминается и думается...

Maria Makogonova | fragments from video interview

Around 1900, the historical center of Petersburg with its famous ensembles, palaces, temples and theaters found itself girded by an enormous industrial ring, exceeding the center in surface area by far. It was dominated by industrial buildings in red-brick and brownstone, factories and workshops, interspersed with residential housing. Frequently, these were slums. Characteristic for the city's proletarian outskirts, one of these neighborhoods sprang up on the banks of Obvodny Canal. The poverty and unsanitary conditions that reigned here drew a great deal of protest and dissatisfaction, so that the first Russian urban planners were already proposing measures for the redevelopment of Petersburg as early as the 1900s. Unfortunately, these suggestions remained projects. Real work on reconstruction and improvement of the proletarian outskirts only began with the rise of the Soviet regime. First and foremost, this concerned Narvskaya Zastava - the city's largest industrial district, formed near to the Narva Gate and the Putilov Works - Petersburg's industrial giant. The first attempts at reconstructing Narvskaya Zastava were undertaken in the early 1920s. They were primarily connected with the construction of new residential areas. The social revolution, not only in Petrograd-Leningrad, began with a revolution in housing. This was connected to the first steps of nascent Soviet architecture, which afforded a great deal of attention to the building of comfortable housing for workers. In Leningrad, real construction-work only began in 1925, once the period of economic ruin after the Revolution and the Civil War had abated. It was at this time that the city administration began to liquidate slums and began to construct the first experimental residential areas. The fact that the reconstruction of the urban outskirts began here was no coincidence. The young Soviet regime was displaying its concern for the workers of the region, which was famous for its stormy, revolutionary past.

In 1925-1927, the first model residential area with cheap, standardized, compact housing for workers was built on Traktornaya Street. Its architects included A.S. Nikolsky, A.I. Gegello, and G.A. Simonov. At the time, Leningrad's new architecture was dominated by constructivism, which established itself as a new aesthetic system with a concrete social program. The creators of constructivism were inspired by art's life-constructing power. The aim of their activity was to form society, rather than to create a new architectural system. They strove to change the face of the world, transforming everyday life as well as individual consciousness in order to educate the human being of the socialist epoch. In connecting creativity with the goal of organizing the processes of everyday life, the constructivists contributed to the formation of new types of building, developing a comprehensive approach to the projection of new settlements, in which residential buildings were combined with cultural and service facilities - Houses of Culture, schools, public baths, and communal kitchens.

The residential area on Traktornaya Street became the core of such a model settlement, intended as a new residential, social and cultural center. Thus, the entire complex of buildings constructed near Narva Gate from the late 1920s to early 1930s was projected to embody the innovative program of life's total construction. This new life was to take place outside of the home. This is why the apartments of the time were planned with kitchen-elements instead of full-fledged kitchens, and also explains why they were often planned without bathrooms altogether. As A.V. Lunacharsky

announced at the time, "It is our goal to eliminate housekeeping altogether". This meant that ideally, the individual kitchen would be replaced by the communal kitchen; that "Red Proletarian Baths" would replace bathrooms, that children would spend the day in nurseries or kindergartens, and that their parents would go to worker's clubs in their free time. This program found its ideal implementation in the area around the Narva Gate. The new buildings included the experimental School of the 10-year Anniversary of the October Revolution (A.S. Nikolsky, 1925-1927), the Gorky Palace of Culture (A.I. Gegello and D.L. Krichevsky, 1925-1927), the Gigant public baths (A.S. Nikolsky 1928-1930), the area's communal kitchen (A.K. Barutchev, I.A. Giler, I.A. Meirzon, Ya.O. Rubanchik, 1929-1931). The studio of A.S. Nikolsky also projected and realized the stadium "Krasny Putilovets (Red Putilov-Worker)" (1928-1929), which did not survive up to the present. The complex was completed by the Kirov City Council (N.A. Trotsky, 1930-1935).

The constructivists attempted to change the world and the human being for the better. However, these utopian attempts to transform architecture into a carrier of social justice did not lead to the desired result. Instead, the dream of a "brighter tomorrow" turned into the forceful imposition of happiness.

During the mid-1930s, constructivism fell victim to ideological ostracism. Architecture returned to the mainstream of neo-classicism, which continuously dominated the next two decades. As a result, Petersburg's constructivist buildings and complexes inhabit a marginal position in both professional and public consciousness until today. Although a significant number of buildings have been placed under government protection as monuments in recent years, the preservation of the architectural legacy of the constructivist epoch makes many people very uneasy. The most pressing problems are connected to low quality of the constructions themselves, which used both the cheap materials and experimental technologies characteristic of the period. Thus, the preservation of many of these unique buildings requires serious scientific research and the development of new restoration-methods, all of which require funding on a massive scale. Aside from the problems connected to the restoration of these edifices, a further challenge remains: which new function should the buildings from this heroic epoch play today?

The residential areas of constructivism hardly correspond to contemporary ideas of comfort. However, they have one unconditional advantage over housing constructed during the period of the so-called "Stalinist Empire", for an example: they are inherently democratic. In countries outside of Russia - such as Holland, Germany, or France - there have been many successful examples of reconstructing such buildings, which appear to enjoy a great deal of popularity among certain social groups. Above all, these consist of young families and people without children. Leading open life-styles, these people are in no financial position to pay for expensive housing. For them, an apartment in one of the houses on Traktornaya Street, for an example, could be very attractive. Of course, the integration of these buildings from the era of constructivism into contemporary life would require extensive governmental social programs, in order to prevent them from becoming slums for low-income populations yet again.

<http://library.nothingness.org/articles/SI/en/display/316>

Революционные урбанисты не ограничивают свои интересы циркуляцией вещей или циркуляцией людей, пойманных в мире вещей. Они попытаются забросить свои топологические сети, прокладывая своим опытом путь для человеческого движения к подлинной жизни.

**Ги-Эрнест Дебор,
Ситуационистские заметки о
движении транспорта**

Alexei Lepork | fragments from video interview

I can't say that I have any personal connection to Narvskaya Zastava. In my personal perception from childhood onward, this neighborhood seems very far away. And this is what makes this neighborhood so strange. Because if you look at it rationally, it's actually quite close to the center. You don't actually have to travel very far; you only have to cross the Obvodny Canal and drive down Petergof Prospect or Gaza, as it was been called for all of my life, for as long as I can remember. On the one hand, it's very close, but on the other, this neighborhood is very far away, as far as psychology is concerned.

So let's say you've reached Repin Square. On the one side, there's the Admiralty. On the other side of Repin Square, the Fontanka River ends. You already have the feeling that you've reached the end: gate, bridge; the end of the city. If you drive on, you'll have reached Narvskaya Zastava, and you'll already have the feeling that everything is different.

What's actually so strange about this neighborhood is that you could say that life is really very different here. And until today, I have the feeling that it really differs from the rest of the city. Actually, the first paradoxical strangeness consists in the fact that this neighborhood came about as a proletarian area and that it's still that way today, all the more since the area could have had (and already has) a completely different conditions. But in any case, it hasn't really changed at all. Today, no one is concerned with developing it; there's little to no construction; the developers haven't come here yet and chances are they won't in the future. It has such a clearly defined image that it will probably stay this way for years to come.

So that's one part of the story. The other part is my personal relationship to what I feel is an extremely interesting area in terms of architecture. And it seems to me that this neighborhood could become incredibly amazing, if people would start to relate to it a little differently. Of course, this would make a lot of sense, because the neighborhood around Stachek Square, that is, the architecture of the entire area from the Narva Gate up to the Kirov City Council and down Stachek Prospect is completely brilliant. I always feel that in any really cultured city, this neighborhood would immediately become one of the main tourist attractions, because it contains an excellent parade of constructivism. To be honest, there are hardly any example of good constructivism in this entire city, but here, there are all these great buildings: the City Council building with its genius tower by the architect Trotsky, Nikolsky's school, Traktornaya Street, and the Gorky House of Culture, the Communal Kitchen, and of course, the Institute of Professional-Technical Education, another brilliant building, which is - unfortunately - in a sorry state of disrepair. In combination with such wide spaces and streets, which are really typical of Petersburg, all of this is utterly fascinating. In fact, I feel that that the entire section from the Narva Gate all the way to the Kirov City Council are our Champs d'Elysee. The golden glitter of those letters on the triumphal arch next to that constructivist grey - it's just so elegant. And if you go on from the Park of January 9th, from the wall to the garden of the Winter Palace, there's another great parade of Stalinist architecture. These buildings are literally like shrines with amazing interiors: take, for an example, the Avtovo metro-station, one of the absolute masterpieces of Stalinist architecture. It's always seemed to me that we'll live to see the day when the opera Aida is performed in the Avtovo metro-station, which would be the cultural highlight of any year. But until now, this is no more than a dream.

...Whenever we talk about what's beyond the Narva Gate, we always think of the revolution and the revolutionary past. But today, we love Narvskaya Zastava as a cult of the past. A cult of ruins. We go for walks there and remember our childhood and our youth. We remember the pleasure of Soviet life, the simplicity with which we lived back then, when a cone of ice-cream cost no more than 7 kopeks. On Nevsky Prospect, it's hard to remember any of this, but in Narvskaya Zastava, on Stachek Prospect, on Traktornaya Street, at the Baltic Station, in all of those alleys with their worn, beaten-up benches, you remember the way things used to be. How you went to school, the Bulgarian cigarettes that you smoked - what amazing cigarettes! - you wouldn't even be able to put them in your mouth today. But back then, it was completely natural; it was so normal, so good... So suddenly, you really want to go to the park to buy a bottle and drink it right there, even if you won't be able to buy "777", but once you're in the store, you'll find yourself wanting to. On the other hand, it's amazingly fun to drink whatever you can there, whatever it is. You can even sit in the park and drink a good bottle of wine. You know, it's really just a ruin and all you do is remember and think and think and remember.

<http://bopsecrets.org/SI/2.derive.htm>

One of the basic situationist practices is the *dérive* [literally: “drifting”], a technique of rapid passage through varied ambiances. *Dérives* involve playful-constructive behavior and awareness of psychogeographical effects, and are thus quite different from the classic notions of journey or stroll. [...] In a *dérive* one or more persons during a certain period drop their relations, their work and leisure activities, and all their other usual motives for movement and action, and let themselves be drawn by the attractions of the terrain and the encounters they find there. Chance is a less important factor in this activity than one might think: from a *dérive* point of view cities have psychogeographical contours, with constant currents, fixed points and vortexes that strongly discourage entry into or exit from certain zones. [...] If chance plays an important role in *dérives* this is because the methodology of psychogeographical observation is still in its infancy.

One can *dérive* alone, but all indications are that the most fruitful numerical arrangement consists of several small groups of two or three people who have reached the same level of awareness, since cross-checking these different groups' impressions makes it possible to arrive at more objective conclusions. It is preferable for the composition of these groups to change from one *dérive* to another. With more than four or five participants, the specifically *dérive* character rapidly diminishes, and in any case it is impossible for there to be more than ten or twelve people without the *dérive* fragmenting into several simultaneous *dérives*. The practice of such subdivision is in fact of great interest, but the difficulties it entails have so far prevented it from being organized on a sufficient scale. The average duration of a *dérive* is one day, considered as the time between two periods of sleep. The starting and ending times have no necessary relation to the solar day, but it should be noted that the last hours of the night are generally unsuitable for *dérives*.

The spatial field of a *dérive* may be precisely delimited or vague, depending on whether the goal is to study a terrain or to emotionally disorient oneself. It should not be forgotten that these two aspects of *dérives* overlap in so many ways that it is impossible to isolate one of them in a pure state. [...] The exploration of a fixed spatial field entails establishing bases and calculating directions of penetration. It is here that the study of maps comes in — ordinary ones as well as ecological and psychogeographical ones — along with their correction and improvement. It should go without saying that we are not at all interested in any mere exoticism that may arise from the fact that one is exploring a neighborhood for the first time. Besides its unimportance, this aspect of the problem is completely subjective and soon fades away.

In the “possible rendezvous,” on the other hand, the element of exploration is minimal in comparison with that of behavioral disorientation. The subject is invited to come alone to a certain place at a specified time. He is freed from the bothersome obligations of the ordinary rendezvous since there is no one to wait for. But since this “possible rendezvous” has brought him without warning to a place he may or may not know, he observes the surroundings. It may be that the same spot has been specified for a “possible rendezvous” for someone else whose identity he has no way of knowing. Since he may never even have seen the other person before, he will be encouraged to start up conversations with various passersby. He may meet no one, or he may even by chance meet the person who has arranged the “possible rendezvous.” In any case, particularly if the time and place have been well chosen, his use of time will take an unexpected turn. He may even telephone someone else who doesn't know where the first “possible rendezvous” has taken him, in order to ask for another one to be specified. One can see the virtually unlimited resources of this pastime.

Guy-Ernest Debord, Theory of the Derive

<http://www.hints.hu/backinfo/sikat2.pdf>

At first glance these ideas seem quite close to those held by the situationists regarding the *dérive*. Just as urban ethnography documented the social morphology of the city, the *dérive* was concerned with the ecological analysis of the absolute or relative character of fissures in the urban network, of the role of microclimates, of the distinct, self-contained character of administrative districts, and above all of the dominating action of centers of attraction.

But were Debord's and Park's practices really so transparent to each other? After all, urban ethnography always aimed to be the written representation of a given (sub)culture. This representation would constitute an authoritative account which ordered and made sense of the unruly experience of the city in which it was based.[...]

Such knowledge production was never the primary goal of the *dérive*, and authoritative accounts of this practice are perhaps impossible - an idea Debord himself expressed when he commented that “written descriptions can be no more than passwords to this great game.” These opposing attitudes toward written accounts indicate a deeper opposition between the *dérive* and urban ethnography. This opposition crystallizes around the question of the participant-observation paradigm for ethnographic analysis. The ethnographer's task is “a process of living one's way into an alien expressive universe,” the building of a shared experiential world as a precondition of ethnographic interpretation. The successful fieldworker, through personal participation, will establish “an active at-homeness in a

common universe” with the culture studied. But it is precisely this at-homeness that the *dérive* denies, in its concern for “behavioral disorientation.”

The *dérive* seems fundamentally linked to a project of “homelessness” or “uprooting” which places its participants in a position of marginality toward all cultures. In this sense it is a *technique du dépaysement* as Levi-Strauss used the term to denote a more selfreflexive anthropology. [...] In effect the *dérive* hypostatized one half of the or her experience of the ethnographic fieldworker: his or her experience as an exile. Fieldworkers have been described as “marginal natives” or “professional-strangers,” and the terms seem apt to describe those on a *dérive* - those who “during a certain period drop their work and leisure activities, and let themselves be drawn by the attractions of the terrain and the encounters they find there.” To paraphrase Evans-Pritchard's comment on fieldwork, to succeed in the *dérive*, one must be able to abandon oneself without reserve, to submit to what James Clifford calls “a derangement of personal and cultural expectations.” In this submission to the accident and happenstance of the city, the urban exile has much the same experience as the fieldworker in an alien culture, but the *dérive* freezes these ambiguous, multi-vocal encounters, refusing to transform them into definitive readings or exegeses; instead this practice revels in the very heteroglossia to be found in the metropolis.

Thomas McDonough, THE DERIVE AND SITUATIONIST PARIS, In: Andreotti, Libero- Costa, Xavier: SITUATIONISTS- Art, Politics, Urbanism Museo d'Art Contemporain de Barcelona 1996

<http://bopsecrets.org/SI/2.derive.htm>

Одна из основных ситуационистских практик это *dérive*, дрейф, техника быстрого прохода через меняющуюся атмосферу. Дрейфы включают в себя игровое конструктивное поведение и знакомство с психогеографическими эффектами, отличающимися от обычных понятий гуляния и шатания. [...] В дрейфе, один или несколько человек подвешивают на определенный период свои взаимоотношения, свою рабочую и досуговую деятельность и все остальные обычные мотивы движения и действия, они дают привлечь себя исследуемому полю и встречам, происходящим в нем. Случайность не так важна при этом, как можно было бы думать: с точки зрения дрейфа, города имеют психофизические контуры, с постоянными потоками, фиксированными точками и вихрями, которые препятствуют входу в определенные зоны или выходу из них. [...] Если шанс и играет роль в дрейфе, то только постольку, поскольку методология психогеографических наблюдений только зарождается.

Можно дрейфовать одному, но похоже, что наиболее продуктивное количество – это несколько малых групп по два-три человека, которые достигли одного уровня осознания действительности. Сравнение впечатлений этих групп позволит прийти к объективным выводам. Предпочтительно, чтобы состав групп менялся от одного дрейфа к другому. Если участников больше 4 или 5, то специфически дрейфовый характер быстро уменьшается, и в любом случае он невозможен для более 10-12 человек, без того, чтобы дрейф рапался на отдельные одновременные мини-дрейфы. Практика подобного распада на деле очень интересна, но она включает столько трудностей, что до сих пор она не была организована в серьезном масштабе. Средняя продолжительность дрейфов – один день, то есть время между двумя периодами сна. Время начала и окончания не имеют большого отношения к солнечному дню, но надо заметить, что последние ночные часы обычно не подходят для дрейфов.

Пространственное поле дрейфа может быть определенным или смутным, в зависимости от цели – состоит ли она в изучении поля или в том, чтобы эмоционально себя дезориентировать. Не нужно забывать, что эти два аспекта дрейфа пересекаются настолько, что невозможно изолировать один из них в чистом виде. [...] Исследование фиксированного пространственного поля предполагает устройство баз и расчет направлений проникновения. Здесь очень важно изучение карт – как обычных, так и экологических и психогеографических – а также их исправление и улучшение. Само собой, что мы не заинтересованы в простом экзотизме, который возникает у того, кто в первый раз попадает в какой-нибудь квартал. Этот аспект проблемы несуществен, субъективен, и скоро угасает.

В «возможном randevu», напротив, элемент исследования минимален в сравнении с поведенческой дезориентацией. Субъекта приглашают появиться одному в определенном месте в определенное время. Он освобожден от обязательств обычного randevu, потому что ждать ему некого. Но раз это «возможное randevu» привело его без предупреждения в место, которое он может знать или не знать, он наблюдает окрестности. Поскольку он, возможно, никогда и не видел второго человека, у него есть стимул начинать беседы с разными прохожими. Может, он никого и не встретит, а может случайно встретит человека, назначившего «возможное randevu». В любом случае, особенно если место и время правильно выбраны, использование времени примет для него неожиданный поворот. Можно предвидеть фактически неисчерпаемые ресурсы этого времяпровождения.

Ги-Эрнест Дебор, Теория дрейфа

<http://www.hints.hu/backinfo/sikat2.pdf>

На первый взгляд эти идеи кажутся близкими идеям ситуационистов о дрейфе. Как городская этнография документировала социальную морфологию города, дрейф затрагивал экологический анализ абсолютных или относительных разрывов городской сети, роли микроклиматов, особого, замкнутого характера административных районов и, вдобавок ко всему, воздействия центров притяжения.

Но были ли идеи Дебора и Парка действительно столь прозрачны друг для друга? В конце концов, городская этнография всегда стремилась быть письменным представлением данной субкультуры. Эта репрезентация могла бы составить хороший протокол, который бы организовывал хаотический опыт города. [...] Такое производство знания никогда не было первой целью дрейфа – авторитетные рассказы о дрейфе невозможны. Дебор выразил эту идею, когда сказал, что «письменные описания могут быть только пропусками в эту великую игру». Эти противоположные взгляды на письменные протоколы указывает на глубокое противоречие между дрейфом и городской этнографией.

Эта оппозиция кристаллизуется вокруг вопроса о парадигме участник-наблюдатель в этнографическом анализе. Этнограф должен «найти свой путь в мир чужого выражения», построить общий мир опыта как предпосылку этнографической интерпретации. Успешный полевой исследователь, через личное участие, установит активное устройство «как

дома» в изучаемой культуре. Но дрейф отвергает это «как дома», он стремится к дезориентации.

Дрейф кажется фундаментально связан с проектом бездомности или «отрыва от корней», которое ставит его участников в маргинальную позицию по отношению ко всем культурам. В этом смысле это техника отчуждения (*depayement*), термин, который Леви-Строс использовал для обозначения рефлексивной антропологии. [...] По сути дрейф гипостазировал половину опыта полевого этнографа: его или ее опыт изгнания. Полевые ученые описывались как «маргинальные аборигены» или «профессиональные чужаки», и эти термины могут относиться к дрейфующим – к тем, кто «подвешивает на определенный период свои взаимоотношения, свою рабочую и досуговую деятельность и все остальные обычные мотивы движения и действия, они дают привлечь себя исследуемому полю и встречам, происходящим в нем». Парафразируя замечания Эванса-Притчарда о полевой работе, можно сказать, что успех дрейфа зависит от способности полной самоотдачи, от отклонения культурных и личных ожиданий. В этом подчинении случаю и хаосу города, городской изгнанник получает опыт, подобный опыту полевого исследователя чужой культуры, но дрейф приостанавливает эти двусмысленные, многоголосые встречи, отказываясь превратить их в окончательные интерпретации: вместо этого, дрейф живет разноязычием метрополиса.

Официальной истории можно противопоставить память молчащих социальных групп, тех, чья память для официальной версии прошлого и настоящего нежелательна и опасна. К официальной памяти о Петербурге и Ленинграде, которая нам скучна своей ограниченностью (не говоря о том, что опасна своими последствиями), мы бы хотели добавить отсутствующие в ней элементы, а именно, дать голос тем, кто обычно не пишет статей и мемуаров о своем видении города, о своем городе. История Нарвской заставы, как и память о рабочем районе, о социалистических проектах, о неудачных попытках построить коммунизм и обеспечить неимущих оказались в нашем сегодняшнем обществе спектакля не востребуемыми.

Территория за Нарвскими воротами является воплощением гомогенизирующего влияния социализма. Мы можем прочесть это пространство как систему значений, заданную социалистической реконструкцией и эстетически отрицаемую идеологией молодого дикого капитализма. Этот район призван был олицетворять победу революции, социальное равенство, торжество городского образа жизни над сельским, торжество рабочего района над центром, привилегированность рабочих-передовиков, производственной администрации и заводских партийцев.

Во время первой и второй пятилеток была предпринята попытка разрушить границу между центром и окраинами и видоизменить «слободы» и «заставы», превратив их в социалистические районы, которые могли бы конкурировать с центром. Наряду с прежними заводами, находившимися на Нарвской, тут были построены и новые предприятия, из деревень хлынул поток крестьян-мигрантов, переезжавших в город, чтобы стать рабочими. Строительство нового жилья и новой инфраструктуры было призвано создать для работников предприятий комфортную среду обитания. Важной составляющей новой инфраструктуры было распространение «очагов культуры» по всему городу, с тем, чтобы «культурная революция» охватила население, до этого лишенное возможности культурного потребления.

В рамках художественного проекта «Дрейф. Нарвская Застава» мы решили провести социологический опрос в нескольких точках Нарвской, чтобы узнать – как чувствуют себя люди, что по их ощущениям изменилось за последнее десятилетие. Организуя наш опрос, мы вдохновлялись, помимо обычных социологических методик, ситуационистскими методами познания городского пространства – принципами изучения ситуации через добавление в неё нового элемента и познания реальности через её переворачивание (detournement), которое приводит к обнаружению символического смысла в привычном. Мы обнаруживали свое присутствие стендом с крупной надписью «мобильный социологический пункт», который устанавливали на протяжении нескольких дней в разных местах. Эта диковинная вещь притягивала любопытствующих и отталкивала пугливых. Постепенно окружающая среда вокруг нас преобразовывалась из пассивной в активную – к нам притягивались люди, которые по долгу службы или роду занятий находились неподалеку (продавцы прессы, семечек, пирожков, ожидающие компаньонов, прогуливающиеся, празднично шатающиеся, выпивающие, милиционеры, пенсионеры). На мобильном социологическом пункте работали четыре девушки с анкетами и несколько операторов с видеокамерами.

Несмотря на то, что основным методом сбора информации была анкета, это исследование отличалось от обычного в том, что мы, в общем-то не стремились провести репрезентативный массовый опрос. Мы были рады выслушать всех, но нашей целью было привлечение в свою орбиту людей, которые помогут нам исследовать эту территорию, станут нашими проводниками в неизвестные нам, «закрытые» в силу нашего неведения места этого района. Нам были нужны интуитивные психогеографы, ежедневно ходящие этими тропами, готовые поделиться с нами информацией о том, где и как можно проводить свободное время, отдыхать, веселиться, встречаться с друзьями, в каких местах неприятно бывать днем и опасно появляться ночью.

Вокруг мобильного социологического пункта было собрано 179 анкет с неслучайными прохожими, жителями Нарвской заставы (ныне проживающими на территории Кировского или Адмиралтейского районов). Наш опрос показал, что около 80% опрошенных нравится жить там, где они живут, около 60% не хотели бы переезжать оттуда, если бы даже была такая возможность. Следовательно, они равнодушны к состоянию этой территории, и надеются на позитивные изменения и развитие инфраструктуры.

Среди позитивных изменений, происшедших в последние годы, в анкетах отмечается прежде всего улучшение торгового снабжения, также отмечается благоустройство района («Стало

Соня Чуйкина | Ситуационистская социология на Нарвской

чище, меньше пьяных, порядок, магазинов стало больше, ворота отреставрировали», «Дворы замостили», «Во дворах озеленение идет. Тополя посрезали. Детские площадки делают и фонтаны», «Площадь отремонтировали»).

Многие отметили как важные вехи ремонт Нарвских ворот, преобразование внешнего облика площади Стачек, появление Макдональдса и превращение Кировского универмага в недоступный по ценам торговый центр («Кировский универмаг стал другим магазином. Качество товара, интерьеры, дизайн стал современным»). Опрос показал, что этим магазином пользуется меньшинство жителей. Лишь 9% отметили, что посещают его постоянно, 57% посещают редко, а 34% никогда. В качестве позитивного изменения было отмечено также то, что закрылись многие заводы. Вопреки нашим ожиданиям, в анкетах и интервью очень редко высказывалось сожаление по поводу закрытия заводов и сокращения количества рабочих («Раньше это был рабочий район, теперь заводы стоят. Зато воздух чище стал»; «Перестал работать Красный треугольник и меньше грязи стало»).

На вопрос «что мешает Вашей повседневной жизни» многообразие ответов сводится в основном к трем очагам зла: алкоголизм, грязь и бытовые проблемы, среди которых на первом месте коммунальный быт. Среди негативных изменений, которые произошли в районе за последние годы многие отмечают также нехватку муниципального транспорта и избыток частных автомобилей, которые ездят где придется, увеличение питейных заведений и точек продажи алкоголя.

Отмечается наличие большого количества опасных строений – разрушающихся расселенных домов, небрунанных остатков разрушенных зданий и незаконченных строек, наполюину сделанных ремонтов. Некоторые интервьюируемые отмечали неприязненное и невнимательное отношение людей друг другу, а также то, что городская среда стала незнакомой и чужой. Такие наблюдения особенно характерны для людей старше 46 лет («Много мата на улицах. Курящие люди оплевывают подолы. Стало меньше привычных магазинов. Новые магазины ослушают музыкой. Застроены большие дворы. Низкая дисциплина водителей. невозможно перейти улицу, потому что не работает светофор»).

Нарвская воспринимается жителями как район, который может нравиться лишь тем, кто там живет, кто к нему привык. Население считает, что там мало объектов, интересных для того, чтобы показать гостю. Знаменитая конструктивистская архитектура была упомянута лишь в одной анкете, заполненной респондентом-искусствоведом. Несколько человек высказали мнение, что иностранцу будет интересно в этом районе всё с этнографической точки зрения.

При всей любви к своему району, жители его сходятся во мнении, что в городе он имеет репутацию не самого безопасного и приятного места («Кировский район считается одним из самых криминальных. Милиционеры ничего не делают...»). Мы спрашивали в анкетах, какие места этого района считаются опасными в ночное время. Это оказались парки, дворы и подворотни, улицы Шкапина и Розенштейна и многие другие – «бандитские улицы», все места, «где дома сплошняком и света нет», «у ларьков, где выпивают и скопление народа», возле питейных заведений, в подъездах, на пустырях, в глухих местах и на тихих улицах. Опасность представляют «гопники, синяки, моряки», бомжи, наркоманы, «пьяные или обдолбанные подростки». Один молодой человек сформулировал свои ощущения так: «Ночью вся моя жизнь превращается в жизнь моей спины». Другие говорили также о том, что «Страшных историй очень много, особенно в парке Екатеринбург по ночам», где «пьяные подростки забивают». Некоторые молодые люди скромно отвечали на этот вопрос, что «для местных тут не опасно, а для приезжих – да».

Большая часть опрошенных считает, что Нарвская осталась «рабочим районом», несмотря на то, что закрылась часть заводов. Ощущают и то, что в последние годы стало много безработных. Некоторые опрошенные говорят о большом количестве празднично шатающихся людей, которые пополняют отчасти армию бомжей и алкоголиков.

Бросается в глаза жесткое и неприязненное отношение с оттенком презрения и отвращения к согражданам, оказавшимся на дне общества, или в ситуации социальной незащищенности и кризиса – наркоманам, токсикоманам, бомжам, нелегально живущим мигрантам-«южанам». По отношению к людям во многих интервью используется слово «убрать», как к неодушевленным предметам («Горячую воду на месяц отключают. Надо убирать бомжей и алкашей»)

Самым противоречивым из враждебных образов предстает фигура «южанина», который «хозяйничает» в районе. Значительное увеличение «лиц кавказской национальности» стало самым значительным изменением, наблюдаемым с начала перестройки жителями этого района, в прежние времена более однородной по своему социальному составу («Количество бомжей увеличилось и количество торговцев из южных стран. Не пройти, не проехать. Количество черномазых увеличилось с 86 года в десять раз»; «плохой транспорт в районе, много узбеков и азербайджанцев без прописки»). Об присутствии «южан» говорят как о помехе в повседневной жизни и об источнике опасности. Неприязнь (или страх) объясняют поразному.

Во-первых, есть мнение, что «южане» с помощью взяток занимают квартиры и комнаты, которые могли бы достаться

жителям коммуналок. («Раньше здесь жили рабочие фабрики «Веретено». Сейчас приехали нерусские. В нашем доме прописанных шесть семей. Они приходят к управдому, платят деньги. Заселяют азербайджанцев. На Розенштейна они сами заселились и живут»; «Боюсь в жить в своей квартире. Въехала из Душанбе семья из пяти человек с собакой, их всех поместили в 14-метровой комнате», «В квартире у нас командуют южане»).

Во-вторых, считается, что «южане» агрессивны («Мешает наличие черномазых. За шесть лет на меня было три нападения», «Опасно ходить там, где проживают непрописанные азербайджанцы, например, Промышленная улица»).

Во-третьих, мигранты из южных республик считаются «мафией», хорошо организованными и деловыми, что позволяет им держать в своих руках местную сферу услуг («Посмотрите, кто хозяйничает в кафе! Русские смотрят все в бутылку!», «На рынке всё схвачено азербайджанцами, не дают места местным производителям»).

Некоторым жителям района не нравятся внешние проявления и манера поведения приезжих, отличающиеся, по их мнению, от привычек местных жителей («Построили спортивную площадку. Эксплуатируют эту площадку в основном черномазые. Там таджики, узбеки, казахи, кто угодно. Кланом живут. Нашим детям негде жить»; «у них свои традиции», «гулять пойти невозможно, одни нерусские»).

Лишь один из опрошенных высказался гуманистично, отметив, что у азербайджанцев и некоторых местных жителей общая беда – плохо организованный быт и бедность, и он сообщил, что при наличии общей беды конфликтов не возникает: «Живем в общежитии фабрики «Веретено». Конфликтов с азербайджанцами пока нет. Здесь все выживают. Общежитие больше сближает, чем коммуналка. Дети все вместе играют».

Опрошенная у метро дама опустившегося вида в сильном подпитии высказала мнение, что на Нарвской люди, находящиеся в тяжелой жизненной ситуации чувствуют себя всё-таки неплохо, есть сострадание, готовность помочь ближнему («На Нарвской нормальные люди, они понимают. А Невский проспект мне не нравится. А тут люди, если что и хлеба дадут. Им жалко человека.»).

В анкетах и в интервью практически нет упоминания о бизнесменах, предпринимателях. Абстрактный образ бизнесменов, в отличие от образа бюрократов, скорее положительный («предприниматель выкупил часть сада, привел в порядок»). К нововведениям рыночной экономики, например, к рекламе большая часть опрошенных относится положительно или нейтрально, критикуется то, что реклама не совсем приспособлена к потребностям населения («реклама должна быть только на русском языке», «нужная реклама отсутствует, нужна реклама – как найти места, которые все люди ищут»).

Одна из черт этого района – то, что новые реалии ощущаются там меньше, чем рунированное советское наследие. Существенных изменений немного. Те, чья повседневная жизнь находится в полном упадке, ждут помощи от городской или районной администрации, но на самом деле на нее не надеются. Как высказалась одна из жительниц района улиц Шкапина-Розенштейна: «Даже в газете как-то писали: Розенштейна – Черная дыра Петербурга. Рухнул потолок в одной квартире. Бороться пытаемся. Но наш район никому не нужен. Нам говорят, что у нас дома дешевле, чем у бабушки огород. Гниль. Вообще мы глубинка. Не Адмиралтейский район, а деревня Петушки. Это очень странно. Это же центр города. Но действительно, какие-то Петушки».

Французские ситуационисты 1950-х годов критиковали современный капитализм, общество потребления за то, что оно пытается воплотить капитализм в образах, в частности, впечатать его в городское пространство, тем самым гомогенизируя его, открывая одинакового вида магазины в разных районах, «причесывая» город, скрывая его недостатки и тайны. «Нарвской» общество потребления ещё не знакомо, здесь ждут появления «нужной» рекламы, открытых уже в других районах города сетей кафе и магазинов, и в целом, влияние капитализма очень незначительное. Но его ждут с нетерпением. Общество спектакля при отсутствии общества потребления, это еще большая ухмылка власть имущих по отношению к неимущим. Люди готовы к торжеству капитализма, они уже запаслись крайне либеральным сознанием, отсутствием сострадания к ближнему (бомжам, алкоголикам, наркоманам и южанам), желанием вытеснить с глаз долой всех, кто оказался в тяжелой жизненной ситуации и построить на своей территории рыночный рай.

Что приобретаем мы, исследуя район бывшей Нарвской заставы, претерпевший типичные для пост советского пространства трансформации из советской урбанистической утопии в тривиальное место торжества базарного капитализма? Нарвская ценна тем, что она остается потенциальной средой пассивного сопротивления, в которой человек пока еще не стал глянцевоым потребителем рыночных товаров и услуг в красивых фантиках, а находится в пространстве взаимодействий и конфликтов.

Sofia Tchouikina | Situationist Sociology in Narvskaya Zastava

Official history can be juxtaposed to the memory of silent social groups. To the official version of the past, this memory is undesirable and even dangerous. Thus, we would like to add a number of missing elements to the official memory of Petersburg and Leningrad, which we find boring in its organicity (and dangerous in its consequences). More specifically, we would like to give a voice to those who do not usually write articles or memoirs about their view of the city, about *their* city. In today's spectacular society, it turns out that no-one really wants a history of Narvskaya Zastava and its memory of a proletarian area, of social projects, or of the unsuccessful attempts to build communism and to accommodate the disenfranchised.

The territory behind the Narva Gate represents an embodiment of socialism's homogenizing influence. We can read this space as a system of significance whose meanings are supplied by socialist reconstructions, aesthetically negated by the ideology of young, wild capitalism. This area was meant to typify the victory of the revolution and of social equality, the triumph of the urban way of life over the rural, the supremacy of a worker's neighborhood over the center, and the privilege of worker's avantgarde, the industrial administration and the factories' party elite.

During the first and second Five Year Plans, an attempt was made to break down the boundary between the city center and its outskirts, changing the faces of the *sloboda* (=settlement outside the official city limits) and the *zastava* (=outpost), turning them into socialist areas that could compete with the center directly. New industrial complexes were built alongside the old factories of Narvskaya Zastava; a steam of peasant-migrants flooded into the city in order to become factory-workers. The construction of new residential areas and their infrastructure were called upon to create comfortable living-spaces for these workers. One important component of this new infrastructure consisted in "hotbeds of culture", distributed across the entire city, established with the goal of bringing the "cultural revolution" to the population at large, which had been deprived of any possibility for cultural consumption up until that point.

In the framework of the art-project "Dérive through Narvskaya Zastava", we decided to conduct a sociological survey at several point of the area in order to find how people feel about their neighborhood and which changes they have been able to observe throughout the last decade. In organizing our survey, we did not only follow traditional sociological methods but also allowed ourselves to be inspired by Situationist practices of examining urban space. These practices rest upon the principle of exploring situations by adding new elements and gaining insight into reality by turning it upside down (detournement), which leads to the discovery of symbolic meanings in ordinary everyday life.

We advertised our presence by identifying our stand as a "Mobile Sociological Center" in big letters. Over the period of a few days, we set up this stand at different points in the neighborhood. This extravagant stand attracted the curious and repelled the timid. The environment that gradually grew around us changed from passive to active: eventually, we were joined by people who spent their time in the area, either out of habit or through the nature of their work (newsagents, sunflower-seed-salespeople, pastry-vendors, people waiting for friends or taking walks, idlers and loafers, drinkers, militiamen, and pensioners). The mobile sociological center was staffed by four girls with questionnaires as well as several cameramen.

Despite the fact that our primary method of collecting data consisted in a questionnaire, this examination differed from our accustomed method in that we were hardly striving to undertake a representative mass survey. While we were happy to listen everyone in full, it was our goal to pull people into our orbit so that they would help us to examine this territory, becoming our guides into the unknown neighborhood, "closed" to us because of our lack of knowledge concerning the area. We needed intuitive psychogeographers, people who traversed these paths on a daily basis, people who were ready to share information on where and how to spend our free time, to relax, to have fun, to meet and hang out with friends. We also wanted to know which places were unpleasant during the daytime and dangerous at night.

The mobile sociological center collected 179 surveys from a non-random group of passers-by that live in Narvskaya Zastava (i.e. residents of the Kirov and Admiralty sections of the city). The results of our survey should that close to 80% of the respondents like to live where they live at present. 60% would not like to move, even if they were offered the possibility of doing so. Consequently, one can assume that they are not indifferent to the state of this territory and are hoping for positive changes to occur in terms of infrastructural development.

Among the positive changes that have taken place during the last years, the survey-results place great emphasis on the improvement of commercial facilities and logistics, as well as the provision of urban amenities ("It's gotten cleaner, there are less drunks, more order. There are more stores. They've even restored the Narva Gate", "They've paved the backyards", "The backyards are much greener. They've trimmed the poplars. They've also been building playgrounds and fountains", "The Square's been restored").

For many people, important milestones of redevelopment include the restoration of the Narva Gate, the superficial transformation of Stachek Square, the appearance of a McDonald's restaurant, as well as the transformation of Kirov Department Store into a mall with unaffordable prices ("The Kirov Department Store has become a completely different place. The quality of the goods, the interiors, the design have been modernized"). The survey showed that only a minority of the area's inhabitants actually make use of this mall. No more than 9% of all people surveyed answered that they visit it on a regular basis. 56% make purchases there irregularly, while 34% never go there at all.

The closing of many of the area's factories was also considered as a positive development. Contrary to our expectations, both surveys and interviews only rarely express any kind of regret at the closing of factory or the laying-off of workers ("This used to be a worker's neighborhood, but now the factories have been shut down. But this also means that the air is cleaner"; "The Red Triangle [=one of the area's main factories] has been shut down, and since then, there's less dirt").

The many responses to the question "What bothers you in everyday life?" can be crystallized to three eyesores: alcoholism, pollution and everyday problems, among which the problems of living in communal apartments takes first place. Among the negative changes that have taken place during the last year, many people complained that there is not enough municipal transportation, too many private cars, which drive around without any restraint, as well as the increase in amusement halls and shops where alcohol is sold. Another obvious eyesore consists in the large amount of dangerous buildings, decrepit, empty apartment houses, uncleared remains of collapsed buildings, unfinished construction sites, and half-finished renovations. Some of the interviewees noted the hostile and inattentive attitudes of people toward one another, as well as the fact that the urban milieu had become hostile and alien to them. These kind of observations are especially characteristic of people above the age of 46. ("Lots of people curse on the streets. Smokers burn you with their cigarettes. There are less and less familiar stores. The all-night liquor stores play their music at a deafening volume. The larger squares have been filled with new buildings. Car-drivers have very little discipline. It's impossible to cross the street, because the traffic lights don't work.")

The inhabitants of Narvskaya Zastava perceive the neighborhood as place that can only appeal to those who live there and are already accustomed to its environment. The population seems to believe that there are very few objects that might be interesting as places to show to visitors. The area's famous constructivist architecture was only mentioned in one response, which was filled out by an art-historian. A few respondents answered that foreigners would find nearly everything in the neighborhood interesting, albeit from an ethnographic point of view.

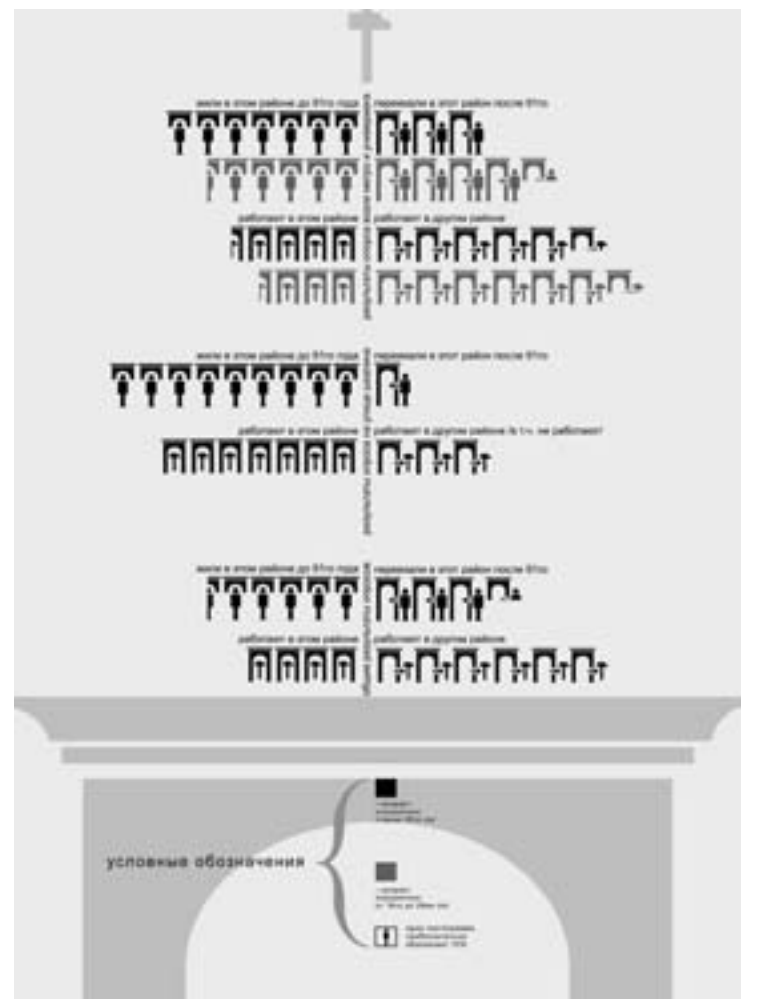
Notwithstanding their affection for the neighborhood, its inhabitants seem to agree that it has a reputation of being one of the city's more dangerous and less pleasant places ("The Kirov section is considered one of the most criminal of all. The militia doesn't do much of anything..."). In our questionnaire, we asked which places were considered to be dangerous at night. These proved to be parks, backyards, gateways, Shkapin Street and Rosenshtein Street and many others - "bandit streets", any place where "houses are back to back and where there's little light", "next to the stalls where people drink and gather", next to bars and other places that serve alcohol, in stairwells, empty lots, out-of-the-way places, and quiet streets. Danger emanates from "hoodlums, drunks, sailors", bums, junkies, "drunk or stoned teenagers". One young man formulated his feelings as follows: "At night, my entire life becomes the life of my back." Others told us that "lots of terrible things happen, especially at night in the Ekaterinhof Park", where "drunk teenagers get their asses kicked". Some young people answered shyly that "it isn't really dangerous for the locals, but as for outsiders...it is."

A large portion of the surveyed population feels that Narvskaya Zastava remains a "working-class neighborhood", despite the fact that some of the factories have been closed. There is also an awareness the growth of unemployment over the last few years. Some of the respondents spoke of a large number of idler and loafers, some of which fill the ranks of the bums and alcoholics.

One thing that stands out is the harsh and unfriendly attitude - tinged by contempt and repulsion - toward fellow citizens who find themselves at the bottom of society or in situations of social vulnerability and crisis, such as drug-addicts, homeless, illegal migrants or "Southerners". Many people used the word *ubrat* (=get rid of) when speaking of these people in the interviews, as if they were referring to inanimate objects ("They turn off the hot water for a month at a time. It's time to get ride of the bums and drunks").

The most contradictory of all antagonistic images consists of the figure of the "Southerner", who "plays the master" of the neighborhood. A significant increase in "persons of Caucasian nationality" is one of the most significant changes that the neighborhood's population has observed since the beginning of the Perestroika, since the area used to be far more homogeneous in its social composition. ("The number of bums has grown, just like the number of merchants from Southern countries. You can't walk or drive without stumbling across them. There are ten times more darkies than there used to be in 1986."; "Bad municipal transport, lots of Uzbeks and Azerbaijanis without any registration."). The presence of "Southerners" is talked about as a nuisance of everyday life and as a source of danger. There are several explanations for this hostility (or fear).

First of all, there is a widespread opinion that "Southerners" use bribes to take up apartments and rooms that might serve as housing for people who currently live in communal apartments. ("The workers from the 'Vereteno' factory used to live here. But now, there are all these non-Russians. In our house, there are six family registered. They come to the administrator of the building and pay money. The whole place is populated by Azerbaijanis. On Rosenshtein Street, they've set up house and just live there."; "I'm afraid to live in my own apartment. A family of five with a dog moved in from Dushanbe; they were all crammed into a room with 14 square meters"; "Our apartment is ruled by the Southerners").

Second of all, the "Southerners" are aggressive ("The presence of the darkies bothers everybody. I was mugged three times in the last six years"; "It's dangerous to go wherever those unregistered Azeris live, Promyshlennaya Street, for an example").

Third of all, migrants from the Southern republics are considered to be a "mafia", well-organized and business-like, which has allowed them to take control of the local service industry ("Look at who's the boss of the cafés! All the Russians do is look at the bottom of the bottle!"; "On the market, everything is under Azeri control, they don't allow local producers to sell anything there").

Some of the neighborhood's inhabitants do not like the outer appearance and the behavior of newcomers, which they feel are different from the habits of the local population ("They built an athletic field. But the field is exploited by the darkies, mostly. Tadziks, Uzbeks, Kazakhs, whatever. They live in clans. And our kids have no place to go"; "They have their own traditions"; "You can't even go for a walk; there are all these non-Russians"). Only one informant made a humanistic statement, noting that the Azerbaijanis and some of the neighborhood's inhabitants shared common problems, namely a poorly organized everyday life and poverty. He also told us that conflicts do not arise as long as there are common problems: "I live in the dormitory of the 'Vereteno' factory. No conflicts with the Azerbaijanis so far. Everyone survives here. The dormitory brings people closer together than any communal apartment. The kids all play together."

One seriously drunk lady we questioned near the metro told us that in her opinion, people who found themselves in difficult situations in Narvskaya Zastava didn't feel all too bad, pointing toward empathy and the readiness to help others ("In Narvskaya Zastava, normal people will understand you. As for Nevsky Prospect, I can't stand it. But here, people will even give you a piece of bread, if you need it. They'll always pity other people in the end").

Neither surveys nor interviews make any significant mention of businessmen or entrepreneurs. In contrast to the bureaucrats, the abstract images of businessmen are generally seen in a positive light ("An entrepreneur bought part of the garden and cleaned it up a little"). Most of the informants displayed positive or neutral attitudes to the introduction of the market-economy or to advertising, for an example. One point of criticism is that most of the advertising does not cater to the local population ("Advertising should only be in Russian"; "There isn't enough needed advertising; we need advertising that shows us how to find that places that people are looking for").

One of the neighborhood's characteristics is that the attributes of the new reality are felt less here than the ruined Soviet legacy. There have been few tangible changes. People whose lives are subject to complete decline wait for help from the city council or the municipal administration, but in fact, have given up all hope. As one of the inhabitants of the area between Shkapin Street and Rosenshtein Street put it: "It even said so in the newspaper: 'Rosenshtein Street is Petersburg's black hole. The ceiling collapsed in one apartment. We try to put up a fight. But no-one wants our neighborhood anyway. After all, this is back country. This isn't the neighborhood of the Admiralty but the village of Petushki. That's really strange. This is the city center. But at the same time, it just plain old Petushki.'" The French Situationists of the 1950s criticized modern capitalism and its consumerist society for attempting to embody capitalism through images, stamping it onto urban space while homogenizing it, opening the same kinds of shops in different neighborhoods, "grooming" the city in order to hide its flaws and its secrets. The population of Narvskaya Zastava has not yet encountered capitalism in full; they are still waiting for "necessary" advertising and for the openings of cafés or stores that already have franchises elsewhere. On the whole, the influence of capitalism still remains largely insignificant, although the neighborhood's population is waiting for its advent impatiently. Spectacular society without consumer society appears as a sneer or a smirk of the haves against the have-nots. People are ready for the triumph of capitalism, having armed themselves with extremely liberal consciousness, with the lack of empathy for their neighbors (bums, alcoholics, junkies and Southerners), wishing to edge out anyone who finds him-herself in a difficult existential situation; they are ready to build a capitalist paradise on their own territory.

So what did we gain by examining the neighborhood of Narvskaya Zastava, a place that has survived the transformation of the Soviet urban utopia to a trivial place of bazaar capitalism as a typical post-Soviet experience?

10. Я давно наблюдаю жизнь этих мест, так как родился и вырос сравнительно недалеко от этого района. И для меня этот район не просто «страшное» место, «резервация», место экологической и социальной катастрофы, но прежде всего место с богатой, неоднозначной историей, с которой сплетается небольшая частичка и моей жизни. Жизнь на Шкапина-Розенштейна меняется медленно и почти незаметно, даже для человека редко здесь бывающего, не говоря уже о местных жителях живущих здесь постоянно. Она как будто законсервирована, как большинство здешних жилых домов, когда-то давно признанных нежилыми и поставленных на капитальный ремонт. Благодаря такой консервации образовался настоящий культурный слой. Прогуливаясь по лабиринту дворов, парадных и черных лестниц сейчас, я постоянно наталкивался на следы этого культурного слоя. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ это рассказ о районе, пережившем свою историю, исследование через взгляд на обычные бытовые вещи, оказавшимися выведенными из употребления. Потеряв свое первоначальное предназначение и вырванные из среды, эти предметы становятся объектами лабораторного исследования. Помешенные в банки для химических реактивов, снабженные этикетками с фотографиями мест, где они были найдены и комментариями жителей, эти случайные предметы обретают новую ценность уже в другом контексте, где существует возможность анализа того, что происходит с этим, исчезающим миром.

Since I was born and grew up not far from this area, I have been observing life here for a long time. For me, this area is not simply a “bad neighborhood”, a “reservation”, a place of ecological and social catastrophes. Instead, it is loaded with an extremely rich, ambiguous history, interwoven with small snippets of my own biography. Life between Shkapin and Rosenshtein changes so slowly that its transformations go unseen, even for people who rarely visit this place, not to mention the locals who live here permanently. It is as if life here had been suspended and conserved in time, much like most of the local apartment houses, recognized as unfit for housing some time long ago, designated for complete renovation. This conservation – in which renovation is never completed – gives rise to real cultural sedimentations. In strolling through the labyrinth of yards, front doors, and back entrances, I constantly dredge up this sediment and its

many cultural layers.

LIFE AFTER LIFE tells the story of a neighborhood that has survived its own history. Its examination takes place by looking at ordinary, everyday objects which have been withdrawn from use. Having lost their initial designation, torn from their context, these things become the objects of a laboratory examination. Placed into jars originally intended for chemical reagents, labeled with photographs of the places where they were found as well as the local population’s comments, these random objects take on a new quality, having been transposed into a different context. Here, it becomes possible to subject them to an analysis, uncovering what is happening to this disappearing world.

11. Гуляя по Нарвской их можно обнаружить повсюду. Они везде, т.к. подобно кровеносной системе являются важной составляющей мира вообще. Красоту “Странных” обычно не замечают. А между тем их больше, чем людей, живущих за гранью: у которых вообще не осталось с социумом ничего общего - бомжи, валяющиеся на асфальте, “синие” уже не странны. Они вызывают чувства ужаса, щемящей тоски, жалости, злости. «Странные» же вызывают чувство удивления и восторга, потому что эти люди, несмотря на неотвратимую бедность своей судьбы, все-таки продолжают существовать.

Обратите внимание, как они одеваются! Их одежда - это оградительный панцирь, доспехи, спасающие нас от тяжеловестной реальности! Несомненно, что жизнь духа отображена в костюме странных. Клянусь вам - эти люди гораздо более свободны, нежели “синие” или “прилично одетые”. Легкое безумие странных, красноречиво дает нам понять, что они живут в своем особом мире - часто они шагают стремительно, деловито неся свою ношу в элегантном полиэтиленовом пакете.

...Перед моим взором ясная картина: улица Шкапина, часов 5 вечера, странные взявшись за руки выходят на улицу, подняв руки к небу, молча, они несут длинный желтый шарф: “синие” и “прилично одетые”, парализованные ужасом смотрят на них.

Движение останавливается.

* “Синие”, слегка видоизмененное от “Синяка”, - в народе пьяница последней стадии.

Инсталляция состоит из: а) Стол. На нем разложены фотографии «Странных». Наброски. Комментарии, написанные от руки. б) Вешалка со специально спроектированными одеждами, отображающими внутренний мир «Странных».

Strolling around Narvskaya Zastava, you can find them everywhere. They are everpresent, coursing through the world’s capillaries like blood cells. Usually, the beauty of the “Strange” goes unnoticed, even if there are far more of them than people who live on the borderline, who have nothing left in common with society at large, such as the homeless, lying around on the asphalt, the “Full-Blues”*, who are hardly strange at all; instead, they provoke feelings of horror, pinching sorrow, pity, or anger. The “Strange”, however, provoke a feelings of surprise and exaltation, maybe because these people continue to exist, despite the inescapable poverty of their fate.

Just look at the way they dress! Their clothing is armored plating, designed to defend us from the heaviness of reality! There can be little doubt that the life of the Strange is reflected in their costumes. I swear: these people are far freer than the

“Full-Blues” or that the “Well-Dressed”. The slight madness of the Strange eloquently tells us that they live in their own world; often, they march forward at a determined pace, busily carrying their burden in an elegant plastic bag.

...Before my eyes, a clear image unfolds: it’s 5 PM on Shkapin Street. The Strange hit the street and raised their hands to the sky silently. They are wearing a long yellow scarf. The “Full-Blues” and the “Well-Dressed” glare at them, aghast in horror. All movement comes to a halt.

* “Full-Blues” (Sinie), an version of *sinnyak*, Russian slang for a drunkard who has reached the final stage of alcoholism.

The installation consists of a) a table with photographs of the “Strange”. Notes and commentaries, written by hand, b) a clothes-hanger with clothes of a special design, projected to reflect the inner world of the “Strange”.

3. Этот фильм о том, как живут люди на Нарвской заставе.

Поскольку этот район был создан для выращивания самого идеального из всех советских людей - советского рабочего, в нем витает призраком сильное желание и направленной воли. Даже сейчас, посторонний наблюдатель попадая в этот район, начинает ностальгировать по “советскому” или, наоборот, впадать в раздражение по этому же поводу. Что бы проявить скрытую, но, одновременно, очевидную идеальность этого района, я решила использовать методическое пособие для лекторов общества “Знание”. Эта брошюра называется “Советский образ жизни” (Оренбург, 1974) и в ней подробно изложены основные принципы жизни настоящего советского человека. Этот текст такой же, как и этот район - в нем есть много прекрасного, но, одновременно, неприятного и даже пугающего. Кроме того, он очень печальный, как печальна любая руина несостоявшейся утопии. Я наложила этот методический текст на реальную, бытовую жизнь современной Нарвской заставы. Это три короткие видео прогулки по важным местам района: вокруг метро, по Тракторной улице и по Екатеринбургскому парку. Главное в этих видео сюжетах - голоса людей, которые живут в этом районе. Они просто прохожие, чьи голоса мы обычно не слышим. Я сделала их слышимыми.

Я не хочу их сравнивать две эти реальности: идеальный советский образ жизни, которого никогда не было и нормальную жизнь нормальных людей. Я даже не уверена, что они находятся в противоречии. У них просто нет ничего общего. Или, все-таки, есть? Или в каждом из нас живет тоска по “братству и коллективизму”, по “равенству всех народов и наций”, по “вере в светлое будущее человечества” и “уверенности в завтрашнем дне”?

This film is about the lives people lead in Narvskaya Zastava. Since this region was created for the cultivation of the most ideal of all Soviet people – the Soviet worker – it is haunted by the soaring specters of strong desire and directed will. Even now, any outside observer thrown into this neighborhood will give in to nostalgic musings on “Soviet life”, or on the contrary, fall into irritation on its behalf. In order to uncover both hidden and obvious ideality of this area, I decided to utilize a methodological pamphlet, used by the lecturers of the “Znanie Society”*. This brochure is called “The Soviet Way of Life” (Orenburg, 1974). It details all of the basic principles of the life of a real Soviet human being. This text draws the same emotional responses as the neighborhood itself: it contains a great deal of beauty, but at the same time, it is unpleasant and even frightening. Furthermore, it is very sad, as is any ruin of unrealized utopia. I have transposed this methodological text onto the real, everyday life of contemporary Narvskaya Zastava in three short video-walks around the most important places of the region: around the metro-station “Narvskaya”, along Traktornaya Street, and the Ekaterinhof Park. The main material of these video-films consists of the voices of the people who live in this neighborhood. They are nothing more than passers-by, whose voice we do not usually hear. I have made them audible.

I do not want to compare these two realities, the ideal Soviet means of life, which never existed and the normal life of normal people. I am not even sure that there is any real contradiction between the two. They simply have very little in common. Or maybe they do? Maybe we all yearn for “brotherhood and collectivism”, for the “equality of all peoples and nations”, for “faith in bright future of humanity”, for “confidence in the tomorrow to come”?

*The “Znanie Society” (Knowledge Society) was a Soviet-era organization which published popular-educational pamphlets and held lectures in public spaces, including factories and other workplaces. Its goal was to raise the levels of both literacy and ideological engagement among the population at large.

5. Суть моей работы в проекте сводится к тому чтобы найти адекватные визуальные решения для того, что группа выясняла в процессе дрейфа. Лично меня интересует до крайности точка, в которой стыкуются искусство и общество. Поэтому и появились в пространстве выставки лишенные очевидного авторского присутствия пиктограммы, иллюстрирующие результаты реального соц. опроса и силуэты участников дрейфа, зарегистрированных камерой в момент самой яркой и принципиальной полемики, где обсуждались вопросы дрейфа “по горячим следам”.

The essence of my piece for the project can be summed up in the attempt at finding an adequate visual solution for what the group was able to find out in the process of the *dérivé*. Personally, I was extremely interested in the way art and society are interrelated. This gave rise to pictograms, stripped bare of any obvious authorship, scattered throughout the space of the exhibition. They illustrate the results of a real sociological survey and depict the silhouettes of the *dérivé*'s participants, fixed by a camera in the moment of the most heated and principled polemic debate, “hot on the traces” of the *dérivé*.

6. Этот фильм построен на кратких фрагментах интервью, которые мы брали у жителей района на выходе из метро «Нарвская». Их участниками стали те люди, которые выражали желание сформулировать перед камерой ответы на вопросы, которые мы ставили в анкетах. Вопросы касались их будничной жизни. Вот часть из них: Нравится ли вам жить в этом районе? Как изменилось состояние района за последнее время? Какие изменения стоит отметить и как они повлияли на вашу жизнь? Чего вам не хватает в районе? Чтобы Вы хотели улучшить в своем районе? Чем отличается Нарвский район от других районов города? Остается ли район, как прежде, рабочей окраиной? Считаете ли Вы, что необходимо снести здания советского времени и построить новые? Есть ли в Нарвском районе места, где неприятно бывать днем? Есть ли в Нарвском районе места, где опасно ходить ночью? Есть ли у Вас есть любимое место, где Вы проведете свободное время? Могли бы вы рассказать о самом хорошем и самом плохом, что произошло с вами или вашими знакомыми в этом районе? Конечно же, рассказчики неизбежно отклонялись от сухой формы ответов на конкретные вопросы и начинали свободно говорить о том, что их волнует, о своих личных переживаниях связанных с их повседневной жизнью.

This film is based on short fragments of interviews that we made with the inhabitants of Narvskaya Zastava at the exit of the Narvskaya metro-station. Its main actors are those people who expressed their desire to answer the questions we asked through our special questionnaire in front of the camera.

These questions concerned their everyday lives, such as: do you like living in this neighborhood? How has the area changed in recent times? How have these changes affected your life? What do you feel to be lacking here? Which improvements would you like to see? How does Narvskaya Zastava differ from the city’s other areas? Is this neighborhood still a part of the working-class outskirts? Do you feel that it is time to tear down the buildings of the Soviet era and to build something new? Are there places that you would prefer not to go to during the daytime? Are there places that are dangerous at night? Do you have a favorite place where you like to spend your free time? Could you tell us about the best and the worst things that happened to you and your acquaintances in this neighborhood?

Naturally, our narrators inevitably avoided giving dry answers to these question. Instead, they began to speak freely, expressing their concerns and connecting these to their personal experiences of their everyday lives.

Серия фотографий «Нарвская Застава» - документация серии одиночных Дрейфов вокруг исследуемого района

The photo-series “Narvskaya Zastava” documents the author’s solo *dérivé* around the neighborhood.

PROJECT COMPONENTS :

1. Mobile sociological center | Sofia Tchouikina
2. Archive of Constructivist graphic art | Saint Petersburg Historical Museum
Unrealized architectural projects of the 1920s | Maria Makogonova
3. Audio-video installation | "What is the Soviet Way of Life?" | Tsaplya/Olga Egorova
4. Two Day Dérive | 3.9.-4.9.2004 | Workgroup "What is to be done?"
5. Graphical project, based on the results of the sociological questionnaire | Nikolai Oleinikov
6. Videofilm | "The Locals. Narvskaya Metro-Station" | Dmitri Vilensky
7. Reading Room | Bound newspapers, subjective maps and other reading materials
8. THEORETICAL PLATFORM | Newspaper, website | workgroup "What is to be done?"
9. Videofilm | "Drift" | Dmitri Vilensky
10. Installation | "Life after Life" | Igor Lebedev
11. Installation | "The Strange Never Give Up" | The Shop of Utopian Clothing
Gluklya/Natalia Pershina-Yakimanskaya
12. Photo-series | "Narvskaya Zastava" | Dmitri Vilensky
13. Exhibition-architecture, spatial elements, lighting | Kiril Shuvalov and Dmitry Vilensky

All cities are geological; you cannot take three steps without encountering ghosts bearing all the prestige of their legends. [1] [...]. These dated images retain a small catalyzing power, but it is almost impossible to use them in a *symbolic urbanism* without rejuvenating them. [2] This new vision of time and space [...] will remain [imprecise] until experimentation with patterns of behavior has taken place in cities specifically established for this purpose. [...] The principal activity of [their] inhabitants will be the **CONTINUOUS DERIVE**. The changing of landscapes from one hour to the next will result in complete disorientation...[3]

Ivan Chtcheglov,
Formulary for a New Urbanism, 1953

[1] Take, for an example, Narvskaya Zastava and its Czarist arche de triumphe, its run-down early 20th century worker's housing, its constructivist projects. The total installation of real socialism's architectural legacy, an ice-floe, stratified in layer after layer of historical problematique and ambivalent utopian projection. In other words, Narvskaya Zastava is excellent psychogeographical terrain. Its (spectral) utopias are only waiting to be brought back to life.

[2] One way of rejuvenating and uncovering these images is to move across their intersections. This movement is only worth documenting because it presents a constant choice. Of course, it is easiest to "drift" playfully like a tourist, carried along by seductive waves of enchanted nostalgia for Stalinist metro stations or Constructivist model settlements, casting romantic-conceptualist ripples across the melancholy surface of the privatized quotidian. But this ease seems irresponsible: there must be some detour, some more challenging route to be taken...

[3] In search of this challenge - permanent revolution? - the drifter must provoke encounters that "change the landscape from one hour to the next". Narvskaya Zastava, as a neighborhood of great architectural and demographic diversity, offers perfect terrain for such sudden transitions. Yet can these changes take place through an excess of prolonged will, a *dérive* tour de force, held to make the city expose its secrets? In the "case" of Ivan Chtcheglov, that mysterious Soviet émigré Lettrist, the "continual *dérive*" and its "bad constitution of steel", led straight to insulin-treatments and shock therapy. His "case" (capitulation) motivates Debord to formulate a responsible methodology of the *dérive* (see *Theory of the Dérive*, p. 4), a means of constructing the situation's sociality. To put it bluntly: the future does not occur at random: chance is less important than you think.

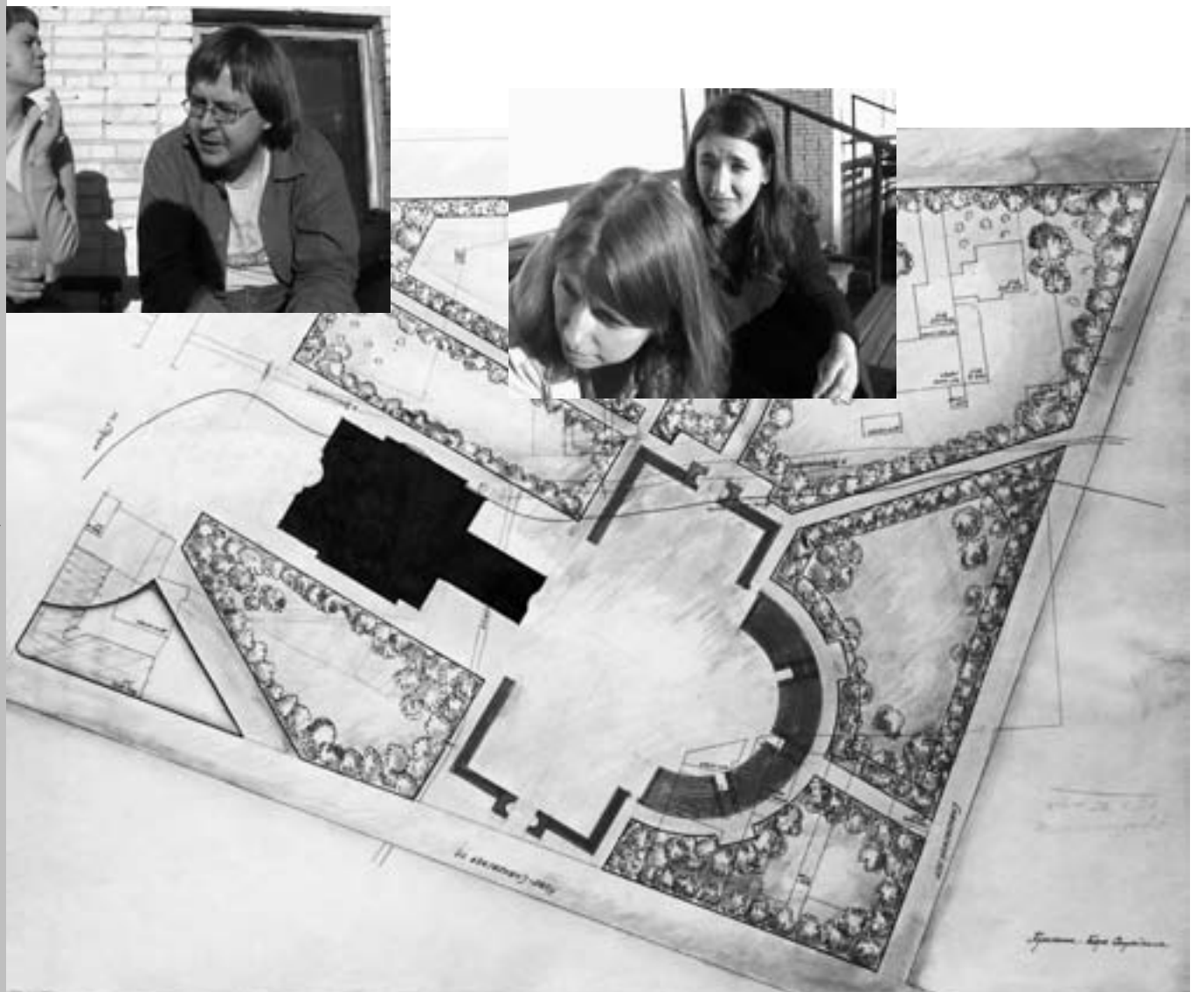
Трудности анализа «дрейфа» связаны с изобилием смысловых и исторических контекстов и их смещений, провоцируемых самой этой практикой. Слово «дрейф» во множестве смыслов, в которых оно используется, - в геологии (сдвиг материков), морской навигации (пассивное плавание корабля в мощном течении или во льдах), анализе рынков (неконтролируемые изменения котировок акций), технике (случайные изменения показаний приборов), физике (перемещения стохастического скопления частиц), гентике (локальные мутации), психофизиологии восприятия (микродвижения глаз, дестабилизирующие изображение, чтобы избежать пустот в визуальном поле), демографии (географические направления миграционных перемещений) - и подразумевает в целом это подспудное, незаметное, неосознаваемое *смещение*, возникающее от пребывания в волне, которая что-то уносит, подхватывает, захватывает, увлекает в сторону, гасит активность, причем делает это обволакивающе-приятным образом.

Само аналитическое представление дрейфа заражается его сдвигом, турбулентностью контекстов. Например, какое отношение акция в Питере имеет к «классическим» ситуационистским дрейфам? И вправде ли мы встраивать наши перемещения по району Нарвской заставы в почтенную традицию фланера, фланерства? На мой взгляд, здесь возникают решающие смещения. Несомненно, этот великий миф Бодлера-Беньямина сейчас может лишь вдохновлять, не имея практической силы. Фланер - образ раннебуржуазной эпохи, маргинальная фигура нищего представителя богемы, который прогуливается в аркадах, среди соблазнительных нагромождений товаров, витрин; его наслаждение строится на невозможности потреблять («смотреть, но не трогать»), по выражению Сьюзен Бак-Морс). Где-то в 50-60 гг. в момент формирования нерепрессивных, стимулирующих структур господства, основанных на массовом потреблении, фигура фланера инкорпорируется в капиталистический универсум. Фланирование становится частью потребительского поведения, принципом которого становится постоянная возможность покупки и связанного с ней контролируемого удовольствия. Возможно, параллельно возникшая практика ситуационизма, которая напоследок возвышает фланерство до рефлексивного и коллективного уровня, и была фиксацией смерти фланера, кратковременным предсмертным оживлением, точкой перелома, след за которой эта практика была абсорбирована властью. Коллективный характер дрейфа немного меняет: феномен *détournement* как вид смещения, вялого полураспада блуждающей группы снова и снова воспроизводит известную драму атомизации органической общности.

Учитывая локальные условия акции в районе Нарвской заставы (деконтекстуализированное, выпавшее из исторического мейнстрима индустриальное гетто с меланхолическими руинами конструктивистской архитектуры), а также вполне потребительские заходы участников в недорогие местные кафе, вряд ли все это можно отнести к приторному романтическому *sublime* былых аскетических экзальтаций фланера. Поэтому легитимирующей нашу практику «высокий» миф сам подспудно дрейфует, его концептуальная форма заполняется местными историями (особый вольный образ жизни питерской художественной и интеллектуальной среды, отечественная интеллигентская традиция «хождения в народ» и пр). Этот *проективный механизм актуализации контекстов* и был, пожалуй, самым продуктивным в акции, родовая принадлежность которой *de facto* оказалась подвешенной.

Если не фланерство, не классический ситуационистский дрейф и не чистое потребление, то что? Множество дрейфующих контекстов. Циничная версия социального туризма, конечно, отмечается - у проекта были вполне искренние исследовательские и художественные цели. Судя по обсуждениям, важным мотивом участников было чуть ли не религиозное искание Контакта, Встречи, События. Воображаемая встреча левых интеллектуалов с Рабочим, восходящим на Голгофу остановившегося конвейера, с этим невидимым призраком в циклопических цехах заброшенного завода, в который мы заходили. И вдруг вместо суровых рабочих ты видишь множество колоссальных фаллосов (очень качественные натуралистические граффити, впечатляющая поросль высотой метра 3-4, тянущаяся вдоль стены), которые своей буйной органикой порождения по праву обжигают это опустошенное место производства. Или же, нас настигало откровение другой жизни, другой реальности эпохи дикого капитализма начала 90-х, которая законсервировалась в этом районе, среди его трущоб с падающими домами, и заставляющее нас вспомнить те хаотические годы. Но чаемого События, как точки финальной сборки, не происходит, только сплошные смещения и переходы из одной среды в другую. И осознание собственного положения по контрасту с положением других - бессилие что-то изменить здесь и сейчас, помимо воли выражающееся в этом странном крипторелигиозном ожидании События, Спасения... Бессилие стоит за всеми нашими признаниями и отягощает в многом радостную прогулку невольным чувством вины.

Хотя фланер умер как самостоятельная фигура (а может быть, никогда и не был ею), и его место занял слабый дрейфующий субъект-медиум, пропускающий через себя множественные потоки значений, то беспокойство и та нерастратченная энергия, которые прежде подталкивали его на блуждание по городу, очевидно, все же не были целиком поглощены технологиями потребления и контроля. Наоборот, появляются условия и побудительные причины для движения, дрейфа в некоем новом обобщенном понимании. В одном из своих текстов Делез замечает, что многие современные практики строятся по модели «подсаживания на волну». Ярче всего это проявляется в новейших видах спорта - серфинг, дельтапланеризм, парашютный спорт и пр. Центр движения, энергии - вовне субъекта, он лишь подключается ко внешним потокам и, говоря шире, символическим контекстам и информационным сетям (surfing по Интернету, например). Именно это, на мой взгляд, и есть то, что появилось сейчас после 60-х, что придает подобным акциям, воспроизводящим и драматизирующим такое положение вещей, современное значение. Другое дело, не является ли оно, это положение субъекта, воспеваемое современной апологизирующей теорией, тем состоянием, которое следует превзойти? Как вновь сделать субъекта активным, поднять на уровень освобожденных им самим энергий и сил, - чтобы он смог, наконец, задрейфовать по-настоящему, опрокидывая все инстанции, тормозящие его раскованное движение?

Alexey Penzin | The Last Temptation of the Flaneur

The difficulties in analyzing the “dérive” (=drift) are connected to the surplus of semantic and historical contexts, whose mutual displacement actually provoked the praxis of the dérive itself. This semantic core of displacement can be found in the many connotations of the word “drift” (dérive), which vary according to their usage in geology (the motion of tectonic plates), maritime navigation (a ship’s passive passage along powerful currents or in floes of ice), market analysis (uncontrollable changes in the value of stock), technology (fluctuation of indicators or gauges), physics (motion of stochastic particle distributions), genetics (local mutations), perceptive psychology (micro-movements of the eyes, destabilizing images in order to bridge over gaps in the visual field), demographics (the geographical direction of migration flows). On the whole, drift implies latent, indiscernible, extra-mental displacement, arising in a wave that carries something away, sweeping it up and along, dousing its activity, engulfing it completely, in what seems to be an altogether pleasant way.

The analytical interpretation of the dérive is tainted by this hydraulic displacement of contexts. For an example, how was our action in Petersburg related to the “classical” dérive of the Situationists? And do we have the right to place our movement through the neighborhood of Narvskaya Zastava into the time-honored tradition of flaneurism? In my view, this is where the decisive displacement occurs. Surely, this great myth of Baudelaire and Benjamin can be no more than an inspiration today, especially since it has lost any and all practical force. Flaneurism is a notion that stems from the epoch of the early bourgeoisie. The flaneur is a marginal figure, a penniless bohemian. He strolls through the arcades, past seductive agglomerations of goods and shop-displays, deriving his pleasure from the impossibility of consumption (“look but don’t touch”, to use the expression of Susan Buck-Morss). At some point during the 1950s/1960s, as non-repressive, stimulating structures of domination based on mass-consumption arose, the figure of the flaneur was incorporated into the universe of capitalism. Flaneurism became a part of consumer-behavior, which was increasingly formed by the principle of the continual possibility of making further purchases and the controllable pleasure which these purchases will supply. May be the parallel emergence of the Situationist practice of the dérive, which raises flaneurism to the level of a reflexive community game for the last time, can be understood as the fixation of the flaneur’s death, a short-lived revival before the end, a breaking point, after which this practice was completely absorbed by the means of bio-political control. The collective character of the dérive changes matters somewhat: the phenomenon of détournement can be understood as form of displacement, a half-hearted dispersal of the drifting group replays the drama of the organic community’s atomization again and again.

If one considers the local conditions of the dérive through Narvskaya Zastava (a de-contextualized industrial ghetto outside of the historical mainstream, with melancholy ruins of Constructivist architecture), as well as the rather consumerist approach taken by its participants in visiting its inexpensive local cafés, one can hardly connect any of this to the sugary romantic sublime of the historical flaneur’s ascetic exaltation. This why the “high” myth that legitimates our praxis is subject to latent drift in and of itself; its conceptual form is filled in by local stories (the specifics of the “free-and-easy” life-style of Petersburg’s artistic and intellectual

milieu, the Russian intelligentsia’s tradition of the narodniki, of “going native” among one’s own people etc.). This projection-mechanism and its contextual update was probably the most productive part of the action, even if its geneological identity was subject to de facto suspension.

If the action was neither flaneurism nor classical Situationist dérive, nor pure consumerism, then what was it? A multitude of drifting contexts, perhaps. It wasn’t any cynical version of social tourism (i.e. slumming): the project’s exploratory and artistic goals were quite authentic. To judge by the discussions that followed, the participants were motivated by a nearly religious search for Contact, Encounter, or Event, for the imaginary meeting of the left-wing intellectual with the invisible specter of the Worker, ascending to the Golgotha of the stopped conveyor. But when we entered the abandoned factory’s Cyclopean shop floor, instead of severe workers we found a multitude of colossal phalli (high-quality naturalistic graffiti, sprouting an interweave of 3-4 meters, climbing up the wall), whose exuberantly organic procreation rightfully animated this otherwise empty place of production. Or maybe we wanted the revelation of an Other life to catch us unawares, an Other reality of the wild capitalism of the early 1990s, which has been preserved in this neighborhood, in the midst of its slums and its collapsing buildings, forcing us to remember those chaotic years. But the promised Event never took place as a final point of assembly or coming together. Instead, there were constant displacements, transitions from one environment to another, as well as the realization of one’s own position in relation to the position of the others – the impotence of changing anything here and now, in spite of the will that manifests itself in this strange, crypto-religious expectation of an Event, of Redemption... Impotence hangs over all of our confessions and exacerbates our in many ways exuberant stroll with an involuntary feeling of guilt.

Even if the flaneur has died as an independent figure (which he may have never been) and his place has been taken by a weak drifting subject-medium, channeling manifold flows of meaning, the restlessness and unexpended energies that sent him out to wander the city’s streets have not been fully swallowed by the technologies of consumption and control. Quite on the contrary, they give rise to the condition and the immediate reasons for movement, drifting in some new generalized sense. In one of his text, Deleuze notes that many contemporary practices are constructed according to the model of “riding the waves”. This finds its most concentrated expression in newer sports, such as surfing, hang-gliding, sky-diving etc. The center of movement or energy is not to be found within the subject, who simply taps into an external flow, or to put it in broader terms, symbolic contexts and informational networks (surfing the internet, for an example). In my view, actions such as the dérive produce and dramatize this phenomenon, which appeared after the 1960s. It is this phenomenon that supplies the dérive its contemporary meanings. On the other hand, isn’t this position of the subject, whose praises are sung by theoretical apologetics, the state that we are trying to avoid? How can we activate the subject, raising it to the level of the energies and forces it has unleashed, so that it might finally really drift, leaving behind of the instances that hamper its unbounded movement?

Оксана Тимофеева | Oxana Timofeeva

Чего мы больше всего пытались избежать, так это фальши. Поскольку в ней была реальная угроза, непрерывная и достаточно честная самокритика кажется мне действительно самой результативной из проделанной нами работы. Это тот элемент серьезного, который сопутствовал нашей игре. Я называю ее игрой, потому что в ней было что-то детское: мы бороздили городское пространство, и повседневность, им завладевшая, сверх нашего ожидания поддавалась нам, становилась крайне пластичной, в ответ на наш негласный призыв побыть немного иной. Самая что ни на есть рабочая территория превратилась в игровую. Люди, не избалованные камерами, очень охотно вступали с нами в коммуникацию, становились артистичны, подыгрывали нам, требовали к себе внимания. Как если бы район сам по себе оказался чувствителен к общей «дрейфовой» ситуации, так что его жители сами вовлекались в нее на какой-то короткий момент, немного необычный на фоне тех будней, в которых любой из нас, наверное, давно бы уже перестал чувствовать к себе интерес со стороны искусства, истории или чего бы то ни было еще.

...Most importantly, we were trying to avoid fakeness. Since there was a very real threat of becoming fake, it seems to me that uninterrupted and rather honest self-criticism was the most valuable result of our work. This was the element of seriousness that accompanied our game. I call it a game because there was something childish about it: we prowled the city’s spaces and the quotidian that they belong to. They gave way to us far more than we expected, becoming extremely plactical, as an answer to our secret invocation to be little different. What is ostensibly a territory for work became a field for play. People who were otherwise hardly spoiled by contact with cameras stepped into communication with us very enthusiastically, becoming theatrical, playing for us, demanding attention. It was as if the neighborhood itself had become sensitive to the situation of our “drift”; its inhabitants were drawn into this situation for just a single moment, against the background of a workaday in which any of us would have probably grown numb and unable to respond to any interest from art, history, or anything thing else.

<http://bopsecrets.org/SI/Chtcheglov.htm>

Все города геологичны; и пары шагов не ступить, чтобы не наткнуться на призраков, овеванных величием былых легенд. [1] [...] Эти образы прошлого обладают слабой катализирующей силой, но их почти невозможно использовать в *символическом урбанизме*, не оживляя и не возвращая обратно к жизни. [2] Это новое видение времени и пространства [...] останется неопределенным до тех пор, пока эксперимент с моделями поведения не будет проведет в городах, специально для этих целей построенных. [...] Главным видом деятельности жителей [таких городов] станет непрекращающийся дрейф. Ежечасные изменения городского ландшафта будут приводить к полной дезориентации... [3]

Иван Щеглов,
Свод правил для нового урбанизма, 1953

[1] Взять, к примеру, Нарвскую Заставу с ее Триумфальной аркой времен царизма, с ее ветшающим жильем для рабочих, возведенным в начале 20 века, с ее конструктивистскими зданиями. Тотальная инсталляция наследия реального социализма, плавучая льдина, где слой за слоем проступает историческая проблематика и вся двойственность утопического проекта. Иными словами, Нарвская Застава – превосходный район с точки зрения психогеографии. Его (призрачные) утопии только и ждут того, чтобы их возвратили к жизни.

[2] Один из способов оживления и обнаружения этих образов – двигаться по линиям их пересечения. Только такое движение и стоит документировать, поскольку оно представляет собой постоянный выбор. Конечно, легче «дрейфовать» играючи, подобно туристу, влекомому волнами чарующей ностальгии по сталинским станциям метро или по конструктивистским типовым постройкам, отбрасывая романтико-концептуалистскую рябь на меланхолическую поверхность приватизированной убогости. Но эта легкость кажется безответственной: должен иметься окружной путь, какой-то более перспективный маршрут должен быть выбран...

[3] В поисках этой перспективы – перманентной революции? – дрейфующий должен провоцировать встречи, которые «ежечасно меняют городской ландшафт». Нарвская Застава, с ее огромным архитектурным и демографическим разнообразием, представляет собой прекрасный район для подобных внезапных изменений. Но могут ли эти изменения возникнуть благодаря эссею «длинной воли», насильственному дрейфу, дящемуся с целью заставить город открыть свои тайны? В «случае» Ивана Щеглова, этого загадочного советского эмигранта-леттриста, «непрекращающийся дрейф» ведет напрямик к лечению инсулином и шоковой терапии. Его «случай» (капитуляция) заставил Дебора сформулировать ответственную методологию (см. «Теорию Дрейфа»), способы создания ситуационистской социальности. Грубо говоря: будущее не сваливается наобум: случай куда менее важен, чем вы думаете.

03.09.04. День первый.

16.10. Встреча у метро «Кировский завод». Появляется Артем, потом Цапля. Кирилл с Глюклей опаздывают. Поиск места для раздачи карт и «инструкций». Кафе «Паутинка»: пролетарское меню и соответствующие цены. За столиками завсегдаитаи расслабляются после трудового дня. Радио сообщает о восьми машинах скорой помощи и четырех убитых детях в Беслане, после коротенького выпуска новостей – поп-музыка и звук отбиваемого мяса с кухни. Мы обсуждаем концепцию дрейфа. Глюкля спрашивает, почему Дебор покончил с собой. Никто не может ответить. Цапля раздает цветные фломастеры, тетради и карты.

17.00. Проспект Стачек. Подземный переход. У проходной, впритык к вывеске «Кировский завод», вывеска «Альфабанк». Цапля показывает портрет Газа, именем которого назван Дом Культуры, расположенный по соседству, в 70-е там прошла знаменитая выставка ленинградских нонконформистов. По дороге я посылаю Полине SMS: «Где эта улица, где этот дом? Где эта барышня, что я влюблен?», в песне меня привлекает аграмматизм последней строки. Ну и воспоминания о «Юности Максима», революционной рабочей саге, забавно рифмующейся с моей собственной юностью. Потому что мы подходим к «Даче Кирьяново», ЗАГСу, где я в 1988, что ли, году сочетался вторым законным браком. Когда я сообщаю об этом, Глюкля с Цаплей решают сделать мне подарок. Я прошу их спеть «Крутится, вертится шар голубой» и сам подпеваю – со смешанным чувством умиления и тоски.

17.30. Заброшенный корпус завода, напоминающий «Сталкер» Тарковского. Руины индустриального советского прошлого. Сверху, в прорехи в крыше, сеется свет. На бетонных плитах в разливах дождевой воды зеленеет мох и папоротник, если присесть на корточки, возникает иллюзия, что смотришь на уменьшенную в масштабе землю, опять же, похоже на Тарковского. Тихо, как в церкви. «Вот где надо устраивать выставки современного искусства», – говорит Глюкля. Все с ней согласны.

18.20. «Немецкая слобода», квартал, построенный после войны немецкими военнопленными. Внутреннее пространство «идиллии». Парадокс его слоистости: годовые кольца у дерева. Стоит перейти улицу, и из начала 80-х попадаешь в конец 40-х. Меня вдруг охватывает ощущение эйфории, точно я и впрямь «дезориентирован», по Дебору.

19.00. Узбекское кафе на Трефилова. Мусорный ветер. Атмосфера запустения. У входа за пластиковым столиком жуткого вида алкаши, один из них начинает цепляться к Цапле. В их компании есть женщина с совершенно мужицким спитым лицом и мужицкими повадками. Они ведут себя так похабно, что хозяева вынуждены их попросить. Из-за дождя мы перебираемся внутрь. По ТВ показывают штурм школы. Я впадаю в ступор от зрелища бойни. Дальнейший путь проходит под этим знаком. Цапля ведет нас к памятникам конструктивистской архитектуры: больница, школа в виде серпа и молота и т. д. Любоваться ими как-то нет сил.

21.00 Угрюмое пьянство в кафе «Колыма». Но прежде – короткая вспышка радости от встречи со второй группой. Очень быстро эта радость сменяется ощущением неприютности и скрытой угрозы из-за пьяных разборок между строителем в спецовке, который едва держится на ногах, и компанией молодых рабочих-иммигрантов (татар?). Далеко не трезвым хозяевам с трудом удается разругать ситуацию. Шашлыки приходится ждать чуть ли не два часа. Тут же в хлам пьяная жена воинственного строителя и их сын лет пяти, потерянно шляющийся от одного столика к другому. В какой-то момент Коля не выдерживает и орет на нее, танцующую, чтобы она отвела ребенка в туалет, тот явно хочет писать. Она едва ворочает языком. Поздний ужин в китайском ресторане – абсурдный финал первого дня.

Комментарий. Я не буду приводить свои записи второго дня. К его концу стало очевидно, что «встреча» произошла, но, ироническим образом, не с тем, с чем – предположительно – должна была произойти. Ведь этот район – от «Кировского завода» до «Балтийской» – славен своим революционным прошлым. Здесь есть парк Жертв 9 января. Отсюда к Зимнему шли колонны рабочих. А в двадцатых годах здесь развернулось грандиозное строительство, попытка реализовать социалистическую утопию. Однако на месте величественной фигуры пролетария нам предстало зловещее зияние. На месте утопии – «выжженная земля», пустыри. Разрушающиеся на глазах конструктивистские здания отвечали общему духу распада социального тела, превращению людей в отребье, отбросы, источающие миазмы глухого отчаяния, и невольно наводили на мысль, что эти руины – нестерпимый в своей материальности памятник застывшему, окаменевшему революционному времени, «диалектике в бездействии» (Беньямин). Подспудно, мы, вероятно, ожидали другого. Однако и травматический опыт, связанный с прикосновением к реальному (в психоаналитическом смысле), бесконечно ценен. Для себя, по крайней мере, я вижу в этом своеобразный – негативный – итог дрейфа. Взывающий, в свою очередь, к действию, к критической проработке.

P.S. Символично, что в записи первого дня вторгаются упоминания о бойне в Беслане. Все мы ощущаем себя в положении заложников, для которых время остановилось, а судьба зависит от игры безличных исторических сил. Как превратить страдательный залог в действительный? Несобственно-прямую речь – в собственную? Отребье – в народ? Народ, которого всегда, по выражению Пауля Клее, подхваченному Делезом, уже нет или еще нет. Здесь и сейчас, между этим «уже» и «еще».

22.09.04.

<http://library.nothingness.org/articles/4/en/display/2>

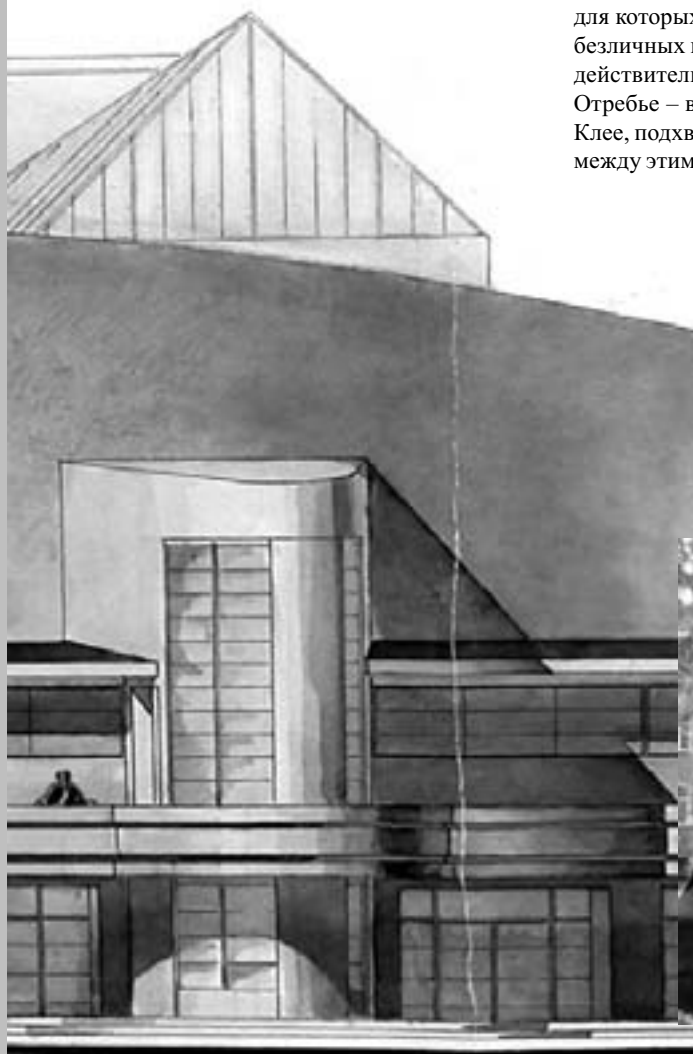
Life, for which we are responsible, encounters, at the same time as great motives for discouragement[4], innumerable more or less vulgar diversions and compensations [5]. A year doesn't go by when people we loved haven't succumbed, for lack of having clearly grasped the present possibilities, to some glaring capitulation. But the enemy camp objectively condemns people to imbecility and already numbers millions of imbeciles; the addition of a few more makes no difference [6].

Guy-Ernest Debord,
Introduction to a Critique of Urban Geography

[4] In reality, our *dérive* through Narvskaya Zastava took place against the animated backdrop of a genocide-in-miniature. Its first day ran parallel to the bloody end of the school-hostage-drama in Beslan, the second day was interrupted by a Bonapartist declaration of war on terrorism. We were sitting in a bar with green walls (Soviet minimalism?), taking notes on our impressions and drinking a little, when Vladimir Vladimirovitch held his speech.

[5] We talked politics all the way from the bar next to the military-store on the canal to the Ekaterinhof park, where we parodied an American group-hug and debated on whether or not to eat a shashlik. It might have been the last day of summer. Technopop blared across the empty band-stand. Eventually, we reached a rusty amusement park of bumper cars and swings on fenced-off territory. There was even a booth with air-rifles for target practice. Most of the others left their stuff in my care on a bench in order to kiss on the swings more freely.

[6] In contemporary Russia, as the Putinist consolidation seeps through to all areas of (tragically depoliticized) life, the precarious politics of friendship take on a completely new value. Maybe this is why it made me happy to film the spectacle of my friends, swinging back and forth between excess and passivity on the rusty swings of their childhood. Were they dreaming of spaces "where it would be impossible not to fall (in love)"? I know I was...

03.09.04 Day One

16.10. Meeting at “Kirovsky Zavod” metro-station. First Artem appears, then Tsaplya. Kirill and Gluklya are late. We look for a place to hand out the maps and “instructions”. The “Cobweb” Café: proletarian menu with matching prices. Regulars relax at little tables after a hard day’s work. The radio announces eight ambulances and four dead children in Beslan. Following a brief newsflash, pop-music and the sound of meat being tenderized in the kitchen. We talk about the conception of the *dérive*. Gluklya asks why Debord killed himself. No-one really knows. Tsaplya hands out colored felt-tip markers, notebooks, and maps.

17.00. Stachek Prospect. Pedestrian underpass. At the entrance, the sign that says “Kirovsky Zavod” (Kirov Works) dovetails with an “Alpha Bank” advert. Tsaplya shows us a portrait of [the famous revolutionary] Gaza, after whom the neighboring House of Culture is named. In the 1970s, it hosted a famous exhibition of Leningrad nonconformists. On the way, I send Polina an SMS: “Where is that side-street, where is that house? Where is that little miss what I once loved?” [=line from a Russian song whose meter cannot be rendered in English]. I am attracted to the song because of its last line’s agrammatism. Oh yes, and because of all the memories of the proletarian revolutionary saga “Maxim’s Youth”, which rhymes with my own youth in a funny sort of way. At some point, we come up to “Kiryanov’s Datcha”, the Civil Registry Office where I legally registered my second marriage in 1988, was it? When I tell the others, Gluklya and Tsaplya decide to give me a present. I ask them to sing “The Blue Ball Turns and Spins” [=another song, with the same melody and meter as the preceding one], and I sing along with them – with a mixture of tenderness and yearning.

17.30. Abandoned factory, reminiscent of Tarkovsky’s “Stalker”. Ruins of the industrial Soviet past. Light sifts through the roof-rents. Ferns and moss grow in rainspills on concrete slabs. If you squat on your haunches, you can lose yourself to the illusion of a miniature world, reduced in scale. Again, Tarkovsky. Quiet as a church. “This is exactly where we need to organize exhibitions of contemporary art”, says Gluklya. All the others agree.

18.20 “Nemetskaya Sloboda” [=“German Settlement”], a housing block, built by German POWs after the war. “Idyllic” inner spaces. Paradoxical striations: year-rings in wood. All you have to do is cross the street and you find yourself falling from the early 1980s straight back to the late 1940s. I am suddenly galvanized by a feeling of euphoria, or to be more precise, I’m “disoriented”, as Debord might have said.

19.00 Uzbek café on Trefilov Street. Garbage wind. Atmospheric desolation. Terrible-looking drunks at plastic tables next to the entrance. One of them comes on to Tsaplya. A woman sits among them; her face is drawn and manly, all of her movements are masculine. We go inside to avoid the rain. On TV, they’re replaying the assault on the school in Beslan. I fall into a stupor at the sight of the battle. The rest of our journey takes place in its shadow. Tsaplya leads us to the monuments of constructivist architecture: hospital, school in the form of a hammer and sickle etc. Somehow, I don’t have the strength to admire them all.

21.00 Dismal drinking in the “Kolyma” café. But first, a short burst of joy at meeting the other group, soon to be replaced by a feeling of homelessness under the latent threat emanating from the drunken showdown between a construction-worker in a boiler-suit, who can barely stand up straight, and a group of young migrant-workers (Tatars?). The proprietors, far from sober themselves, have a hard time deescalating the confrontation. We wait for our kebabs for almost two hours. The belligerent construction-worker’s drunk wife and their five-year-old son wander from one table to the next, looking lost. At some point, Kolya loses his composure and shouts at her – she’s dancing – to take her kid to the toilet, he really needs to take a leak. She can hardly answer. A late dinner in a Chinese restaurant: an absurd finale to the first day of the *dérive*.

Comments. I am not going to reproduce my notes on the second day. At its end, it became obvious that the “encounter” had taken place, but ironically, we had not met with what we were supposed to. After all, this neighborhood – between the Kirov Works [formerly Putilov Works] and the Baltic Railroad Station is famous for its revolutionary past. It is here that one can find the Park of the Victims of January 9th [1905], from here that the worker’s columns set out toward the Winter Palace. And in the 1920s, this place saw some of the most grandiose construction work undertaken at the time, as an attempt to realize the socialist utopia. But now, instead of the majestic figures of the proletariat, we met with nothing but baleful yawning. “Scorched earth” and empty lots instead of utopia. Constructivist buildings, crumbling before our eyes, corresponded to the dissolution of the social body, turning people into flotsam and jetsam, emanating a miasma of hollow despair, giving rise to the involuntary thought that these ruins were an unbearably material monument to the frozen, petrified revolution, a “dialectic of stasis” (Benjamin). In secret, we were probably expecting something else. Yet this traumatic experience of coming in contact with reality (in the psychoanalytical sense) is priceless. For me, in any case, this was the – albeit negative – outcome of the *dérive*, calling for action, for critical interpretation.

P.S. It is symbolic that the notes on Day One are interrupted by references to the battle in Beslan. We all feel like hostages, for whom time has come to a standstill; our fate depends on the interplay of impersonal historical forces. How does one turn the passive voice into action? Someone else’s direct speech into one’s own? All of this flotsam and jetsam into a people? A people which, to quote Paul Klee via Deleuze, is already gone or does not yet exist. Now and here, between “already” and “not yet”

22.09.04.

<http://library.nothingness.org/articles/4/en/display/2>

Жизнь, за которую мы ответственны, наталкивается, наряду с огромным количеством причин для разочарования [4], на несчетное множество более или менее заурядных развлечений и вознаграждений. [5] И года не проходит, как люди, которых мы любили, сдаются, будучи не в силах ясно осознать имеющиеся возможности, на милость победителя. Впрочем, вражеский лагерь объективно обрекает людей на тупоумие и уже создал миллионы глупцов; нескольких новых погоды не делает. [6]

Ги Дебор, Введение в критику городской географии

[4] На самом деле наш дрейф по Нарвской Заставе состоялся вопреки ожившему заднику геноцида в миниатюре. Первый день проходил одновременно с кровавой драмой в Беслане, второй был прерван бонапартистским объявлением войны терроризму. Мы сидели в кафе с зелеными стенами (советский минимализм?), записывая наши впечатления и выпивая, когда Владимир Владимирович произносил свою речь.

[5] Мы говорили о политике всю дорогу от кафе, расположенного рядом с военторгом, до Екатерингофского парка, где спародировали коллективные объятия по-американски и долго решали, есть или не есть шашлык. Возможно, это был последний день лета. С пустой эстрады ревела поп-музыка. В итоге мы вошли в защищенный ограждением парк аттракционов с ржавеющими качелями, каруселями и автодромом. Там был даже тир с пневматическими ружьями. Большинство передали мне на хранение свои вещи, дабы всласть поцеловаться на «лодочках».

[6] В современной России, по мере того как путинская консолидация захватывает все области (трагически деполитизированной) жизни, сомнительная политика дружбы обретает совершенно новую ценность. Возможно, именно поэтому я и был счастлив, снимая на камеру то, как мои друзья раскачиваются взад-вперед между эксцессом и пассивностью на ржавых качелях своей детства. Грезил ли они о пространствах, «где будет невозможно не упасть (в любовные объятия)»? Я – да...

Дрейф-в-группе разительно отличается от фланерства в одном очевидном пункте. Тогда как фланер выдвигает свое личное, одинокое удовольствие аскетичного эстетизма против отчуждения, дрейф-в-группе дает возможность исследовать такие места встреч, как парки, игровые площадки, скамейки, скверы и площади, вместе. На Нарвской Заставе полно таких Общих, принадлежащих всем и никому, мест, от тайных мест встреч на заброшенных заводах или в разрушенных зданиях, до образцовых площадей, конструктивистских дворов и парков аттракционов. Таким образом, наиболее очевидная цель дрейфа состояла в том, чтобы влиться в эти общественные пространства всем вместе, перевернуть и оживить их скрытый потенциал.

Однако дрейф-в-группах не только приносит неисчислимые радости – включая прямой доступ к сомнительной утопии дружбы, – но и предполагает опасность. Взаимодействия внутри группы не только отражают и воскрешают общественное пространство; они также внушают отдельному участнику ложное чувство безопасности: со мной ничего не случится; ведь я не один, со мной целая компания. Но что происходит, когда (определенное) будущее этого Общего утрачено в пользу приватизированной поэзии повседневности со всеми ее неопределенностями? Не здесь ли и начинается окружной путь? [7]

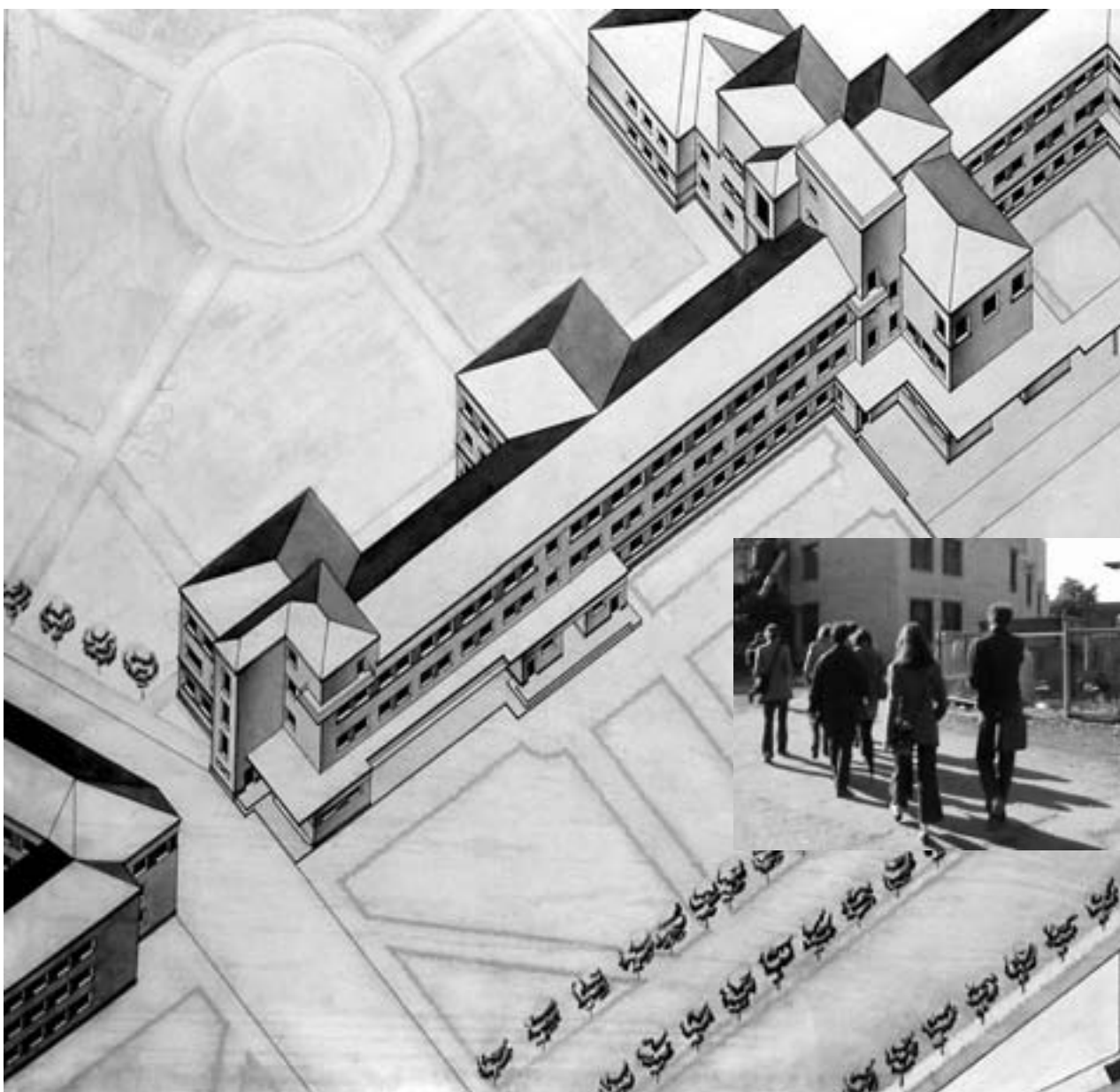
Один путь – увидеть разрушение утопии (и возвращение к ее руинам) как катастрофу экспроприации, невозместимую потерю. Игровые площадки нашего революционного детства обрели утилитарный характер, стали враждебными зонами, проникнутыми чудовишной вульгарностью, превращающей нас в реакционеров. Но вместе с тем, можно сказать, что подлинный этический диалог возможен лишь после вычитания, отрицания, потери: потеряв наши (приватизированные) зонтики, мы можем наконец начать двигаться, а не просто дрейфовать.

[7] На протяжении двух дней наших изысканий, Артем Магун носил с собой черный элегантный зонт. В моих глазах этот зонт выглядел приватизированной антропологической подпоркой, символом нашего радикального шика. Отправившись на «лодочки», Артем, дабы почувствовать себя свободней, оставил свой зонт на скамейке на мое попечение. Мы уже переходили мост, отделяющий парк от города, когда Артем остановился: «Я забыл свой зонтик». Меня охватило чувство вины. Отстав от остальных, мы с Артемом вернулись обратно. Мы почти прошли мимо качелей и других развлечений: ворота парка аттракционов были уже закрыты. Сторожевая собака на длинной привязи злобно лаяла, охраняя своего щенка. Рядом со сторожевой будкой стоял внушительного вида молодой человек. Мы окликнули его через ограждение. «Зонтик? Ага. Я тут видел какой-то зонтик.» Не на шутку разнервничавшись – зонтик мог оказаться бомбой – мы с Магуном вернулись к автодрому. Там-то мы и столкнулись со второй группой, дрейфовавшей параллельным курсом. Они стали нас радостно обнимать, а потом забросали вопросами: «Ну как? Что вы видели? Куда идете?». Мы не могли ничего ответить. Мы искали зонтик Артема. Наконец милиционер, охранявший игровую площадку, открыл ворота и выпустил нас наружу. Зонтик был безвозвратно потерян.

Давид Рифф

Общественное пространство для нас – это конкретное пространство встреч, контактов между людьми. Пространственность социальна. [...] Пространство как физическое измерение (абстрактное пространство) неотделимо от пространства действия (конкретное пространство). Их разделение оправдано лишь в утилитарном обществе с застывшими общественными отношениями, где конкретное пространство с необходимостью носит антисоциальный характер. [...] Без расписания, которое вызывает уважение, без постоянного жилья, человек с необходимостью приносится к кочевому образу жизни в искусственном, целиком и полностью «сконструированном» окружении. Назовем это окружение Новым Вавилоном [...]

**Констант,
Новый Вавилон, 1974**

<http://www.notbored.org/new-babylon.html>

For us, social space is the concrete space of meetings, of the contacts between beings. Spatiality is social. [...] Space as a psychic dimension (abstract space) cannot be separated from the space of action (concrete space). Their divorce is only justified in a utilitarian society with arrested social relations, where concrete space necessarily has an anti-social character. [...] With no timetable to respect, with no fixed abode, the human being will of necessity become acquainted with a nomadic way of life in an artificial, wholly 'constructed' environment. Let us call this environment New Babylon [...]

Constant,
New Babylon, 1974

The group-dérive differs drastically from flaneurism on one obvious count. While the flaneur pits the personal, solitary pleasure of ascetic aestheticism against alienation, the group-dérive offers the possibility for exploring meeting places such as parks, playgrounds, benches, bleachers and squares *together*. Narvsakaya Zastava is full of such *Commons*, ranging from secret meeting places in abandoned factories or collapsed buildings to representative squares, Constructivist backyards, and amusement parks. Thus, the most obvious goal of the dérive was to flow into these social spaces *together*, to upturn and reanimate their hidden potential.

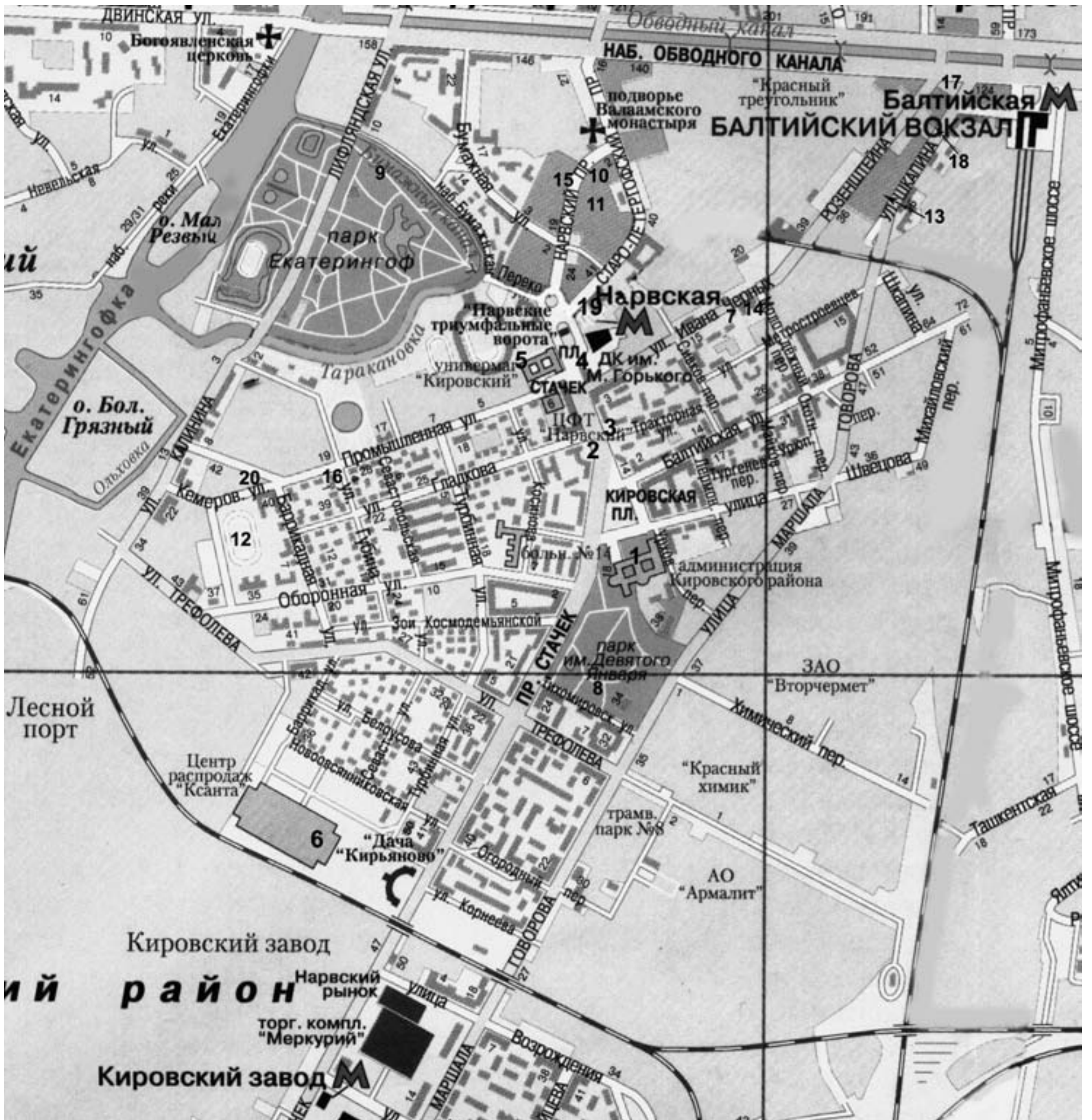
However, drifting in groups does not only bring innumerable benefits - including direct access to the precarious utopia of friendship - but also entails a fundamental danger. The interactions of the group do not only reflect and revive social space; they also supply the individual subject with a false sense of security: nothing can happen to me; after all, I am a member of the pack. But what happens when the (certain) future of the Common is lost to the privatized poetry of the everyday and all of its uncertainty? Isn't this where the detour begins? [7]

One way to see the disintegration of utopia - and the return to its ruins - as a catastrophe of expropriation, an irreconcilable loss. The playgrounds of our revolutionary childhood take on a utilitarian character, becoming hostile prison zones, permeated with horrifying banality, turning us into reactionaries. However, one might also argue that true ethical dialogue is only possible after subtraction, negation, and loss: by relinquishing our (privatized) umbrellas, we can finally begin to move, instead of simply drifting.

[7] Throughout our two-day exploration, Artem Magun carried an elegant black umbrella. To me, this umbrella looked like a privatized anthropological prop, symbolic of our radical chic. In order to swing more freely, Magun left his umbrella on a bench in my care. As we were crossing the bridge that separates park from city, Magun stopped: "I've forgotten my umbrella." This made me feel very guilty. Leaving the others, Magun and I turned back. We almost missed the swings and the other joy-rides: the gates of the little amusement park had already been padlocked. A guard-dog on a long leash was barking violently in order to protect her puppy. A heavy-set young man was standing next to the guardhouse. We called to him through the fence. "Umbrella? Yeah. I saw an umbrella." Growing nervous - the umbrella might have been a bomb - Magun and I walked back to the bumper cars. It was here that we ran into the other group, which was drifting in parallel. They embraced us euphorically, all chattering at once: "How was it? What did you see? Where are you going?" We couldn't answer them. We were looking for Magun's umbrella. Eventually, the militia-man who was guarding the playground unlocked the padlocks and let us out. The umbrella had definitively been lost.

David Riff

Публикация №7 - Идея и реализация: рабочая группа "Что делать?" | publication №7 - idea and realisation: workgroup "What is to be done?"

Издание осуществлено в рамках | This publication was realized in the framework of:
фестиваля Современного Искусства в Традиционном Музее | the festival Contemporary Art in Traditional Museums

Издание было осуществлено при поддержке | This publication was realized with the generous financial support of:

института Pro Arte | The Pro Arte Institute

выставочный проект был реализован в Музее Истории Санкт-Петербурга в период с 25.09.2004 по 25.10.2004

The exhibition project was realized in the Saint Petersburg Historical Museum 25.09.2004 to 25.10.2004

инициатор проекта: Дмитрий Виленский | the project was initiated by Dmitry Vilensky

редакторы | editors: Давид Рифф и Дмитрий Виленский | David Riff and Dmitry Vilensky

графика | Artwork and Layout: Дмитрий Виленский и Цапля | Dmitry Vilensky and Tsaplya

Состав рабочей группы "Что делать?" ///

The members of the workgroup "Chto delat?":

Дмитрий Виленский | Dmitry Vilensky

Глюкля (Наталья Першина) | Gluklya /Natalya Pershina/

Артём Магун | Artem Magun

Николай Олейников | Nikolay Oleynikov

Алексей Пензин | Alexey Penzin

Давид Рифф | David Riff

Александр Скидан | Alexander Skidan

Оксана Тимофеева | Oxana Timofeeva

Цапля (Ольга Егорова) | Tsaplya /Olga Egorova/

Кирил Шувалов | Kiril Shuvalov

В оформлении использованы | **The publication is illustrated by**

публикуемая впервые // **Previously unpublished material includes:**

фрагментами архитектурных проектов из фондов Музея Истории Города /// Дом культуры Московско-

Нарвского района. Бурыйкин Д. П., Симонов Г. А., Никольский А. С. 1925 /// Планировка Путиловского

района. Фомин И. А. 1925 /// Дом культуры Московско-Нарвского района. Дмитриев А. И. 1925 ///

Профилакторий Володарского района. Руднев. Аксонометрия и план. 1928

Fragments of architectural projects from the archives of the Petersburg Historical Museum /// The Moskoskaya-

Narskaya House of Culture (D.P. Buryshkin, G.A. Simonov, A.S. Nikolsky 1925) /// Projection of the Putilov

section (I.A. Fomin 1925) /// The Moskoskaya-Narskaya House of Culture (A.I. Dimitriev 1925) and others.

Перевод | Translations:

Давид Рифф | David Riff: Russian-English

Александр Скидан | Alexander Skidan /// Артём Магун | Artem Magun : English - Russian

Особая благодарность | Special thanks to: всем участникам Дрейфа | the all participants in Drift

Ксения Александрова | Ksenia Alexandrova /// Екатерина Князева | Ekaterina Knjazeva /// Сергей Денисов |

Sergey Denisov /// Наталья Яценко | Natalja Jatsenko

www.chtodelat.org

contact: info@chtodelat.org /// dvil@surfeu.de

информационный листок отпечатан в типографии ООО "Фирма "Курьер" тираж 3000

copyleft